

Льюис Спенс

МИФЫ
СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ
ИНДЕЙЦЕВ

Льюис Спенс

Мифы североамериканских индейцев

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=153388

Мифы североамериканских индейцев: Центрполиграф; Москва; 2006

ISBN 5-9524-2364-7

Аннотация

Льюис Спенс собрал самые интересные из мифов североамериканских индейцев. Легенды и мифы этих народов открывают своеобразный мир духов, которые могут быть прекрасными и ужасными, добрыми и злыми одновременно. Сложная ритуальная символика индейцев тесно связана с природными силами, ее главной идеей является единство людей и животных.

Содержание

Предисловие автора	4
Глава 1	7
Глава 2	107
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Льюис Спенс

Мифы североамериканских индейцев

Предисловие автора

Североамериканский индеец так долго являлся объектом глубочайшего интереса самых разных людей, что отсутствие внимания к его красочным, в высшей степени оригинальным мифам и сказаниям не поддается разумному объяснению. В детстве мы обычно относимся к индейцу как к некоему инструменту, служащему для удовлетворения наших самых буйных фантазий, помогающему создавать волнующие произведения художественной литературы. В более зрелом возрасте мы начинаем считать его обитателем волшебного царства и по большей части относим к миру воображения. Довольные постоянным возвратом к сказкам нашего детства, мы вместе с тем с готовностью слушаем рассказы о краснокожих бродягах с дурной репутацией, перебивающихся случайными доходами от изготовления цветных бус и занимающихся мелким воровством.

Кажется воистину удивительным, насколько расплывчато и неполно представление европейцев о североамериканских

индейцах, особенно если учесть последние антропологические исследования. Кстати, в Англии опубликовано совсем немного книг, дающих нечто большее, чем смутное понятие о краснокожих, да и эти издания обладают весьма сомнительной научной ценностью.

Первоочередная цель предлагаемой книги – познакомить читателя с мифологией североамериканских аборигенов, а также с сопутствующей исторической и этнической информацией, которая поможет оценить реальные условия существования этой интереснейшей части человечества.

При этом подчеркивается различие менталитета индейцев и европейцев, поскольку без этого допущения невозможно правильное понимание ни их мифов, ни условий их жизни. Различие воззрений индейцев и европейцев столь же велико, как широка пропасть, разделяющая концепции и философские течения Востока и Запада. Тем не менее мы обнаруживаем в мифологии североамериканских индейцев многие черты, характерные для бессмертных сказаний других народов Восточного полушария. В основе любых мифов, будь то азиатские, европейские или североамериканские, лежат сходные представления, и если мы обнаружим в американской мифологии некоторые особенности, которых нет в мифах Древней Греции, Рима и Египта, то можно не сомневаться: они вызваны особыми условиями окружающей среды и обычаями, сформированными климатом и другими естественными факторами.

За последние тридцать лет немало было сделано для того, чтобы поставить изучение материальной и духовной культуры американских аборигенов на прочную научную основу. Умами этнологов старой школы владели самые дикие идеи, касающиеся происхождения индейцев, многие из них верили, что краснокожие – выродившиеся потомки евреев или ранних финикийских авантюристов. Но «старики» были вынуждены уступить дорогу новому поколению исследователей, вооруженных глубокими научными знаниями, чьи труды под общим руководством американского этнологического бюро принесли богатые плоды. Этим государственным департаментом было опубликовано много научных монографий, посвященных этнологии, мифологии и обычаям, господствующим в племенах североамериканских индейцев. Все они написаны людьми, хорошо знающими жизнь и языки индейцев. Многие из них, собирая материалы для своих научных трудов, столкнулись с немалыми трудностями и лишениями. Упомянутая серия монографий, вне всякого сомнения, является памятником благородному труду этих подвижников, история жизни которых отмечена мужеством и презрением к опасностям.

Глава 1

Деление на группы, обычай и история расы

Первые индейцы в Европе

Почти сразу после открытия Нового Света его обитатели стали объектом глубочайшего интереса самых широких кругов европейцев. Впрочем, этому вряд ли стоит удивляться, вспомнив господствующее тогда невежество, связанное с открытием нового полушария, и тот факт, что по общему представлению люди, населявшие только что обнаруженные земли, считались жителями тех самых далеких восточных стран, которых европейские мореплаватели так давно и безуспешно пытались достичь. Само имя «индеец», данное людям с островов удаленного западного океана, доказывает необоснованность и ложность новых понятий, которые были навязаны географической науке открытием Колумба. Но почему все-таки возник столь острый и пристальный интерес к странным существам, которых генуэзский капитан привез с собой, как представителей населения открытых островов? Испанцы уже привыкли к присутствию уроженцев Востока,

в течение веков они жили с ними бок о бок, поэтому все восточное вряд ли имело для них прелесть новизны. Возможно ли, что люди, руководствуясь некими трудными для понимания мотивами, не прониклись доверием к предложенным им научным выводам? Их умами руководило нечто более глубокое и более примитивное, чем наука, – некий глубокий человеческий инстинкт подсказал им, что смуглые и украшенные перьями люди, которых они созерцали в триумфальной процессии первооткрывателя, не были более или менее знакомыми уроженцами Востока. Они являлись жителями таинственного континента, на протяжении бесчисленных веков изолированного от остальной части человечества.

Обстоятельства показали, что именно глубинный инстинкт, отбросивший научные выводы, оказался прав. Девиз на гербе Колумба выражал общие чувства, утверждая, что

Для Кастильи и Лиона
Колумб дал новый свет

А в Лондоне новость встретили заявлением, что «речь идет о вещах скорее божественных, чем человеческих». Вряд ли такой вывод мог быть сделан, если бы речь шла всего лишь о достижении далеких восточных рубежей.

Примитивная и варварская внешность привезенных Колумбом индейцев произвела неизгладимое впечатление на испанцев. До этого дикарь был только «легендарным и ге-

ральдическим животным, вроде грифона или феникса». Он впервые воочию предстал перед изумленными европейцами в лице индейца, и они быстро усмотрели различия в облике и поведении краснокожего и цивилизованного уроженца востока, хотя некоторые ранние исследователи настаивали на его сходстве с татарской расой.

Всеобщий интерес, вопреки ожиданиям, не угасал, а, наоборот, становился все сильнее, и каждое новое американское открытие подливало масло в огонь ожесточенных споров об «индейце». Труды о происхождении и обычаях американских аборигенов, перегруженные нудными рассуждениями и сомнительными выводами, внимательно изучались и обсуждались. Между тем они отнюдь не являлись более экстравагантными, чем теории, представленные намного позже. В начале XIX века возникла школа исполненных энтузиазма любителей древностей, наиболее видным представителем которой считается лорд Кингсборо, поставивший своей целью доказать идентичность американских аборигенов и евреев, продемонстрировав при этом необычайную эрудицию. Публикация «Памятников древности Мексики» – знаменитого труда лорда, посвященного этому вопросу, – принесла ему около пятидесяти миллионов фунтов стерлингов. В процессе этих исследований были сделаны более чем абсурдные филологические выводы, подробное изложение которых может лишь утомить читателя. Несколько менее смехотворными можно назвать заключения, полученные на основе изуче-

ния индейских обычаев, – в них лорд Кингсборо усмотрел сходство (поверхностное, надо сказать) с древнееврейскими обрядами.

Индейцы как евреи

В качестве примера такого рода аргументов достаточно процитировать следующий отрывок из труда капитана Дж. Палмера «Миграция из Шинара», опубликованного в Лондоне в 1879 году: «Верховный жрец индейцев носит нагрудник, сделанный из белой раковины, а на голове или венке из лебединых перьев, или длинный кусок лебединой кожи, сложенный так, чтобы показывать белоснежные перья с каждой стороны. Это напоминает нам о нагруднике и митре высшего еврейского духовенства. У них также есть прозрачный волшебный камень, к которому обращаются шаманы; он очень строго оберегается даже от собственного народа. Адейр не сумел добыть ни одного. Возможно, это имитация урима и туммима? К тому же у них есть праздник первых фруктов, который они отмечают песнями и танцами, повторяя с немалой серьезностью и энтузиазмом «Аллилу – аллилу – аллилуйя». Они танцуют, образовав три круга, вокруг огня, где на своеобразном алтаре готовятся эти фрукты, славя Йо-Ге-Ва (Иегова?). Эти слова используются только в религиозных праздниках».

На какое племя ссылается автор, из текста не ясно.

Индейцы, говорящие по-валлийски

Отдельные эрудиты проследили этнологическую связь североамериканского индейца с финикийцами, хеттами и островитянами южных морей. Но самой забавной представляется попытка доказать кровное родство индейцев с жителями Уэльса! Довод в пользу этой теории настолько оригинален и является таким типичным примером системы исследований, под гнетом которой американская этнография находилась на протяжении многих поколений, что его стоит вкратце описать. В «Мифах Мексики и Перу» (глава 5) приводится легенда о Мэдоке, сыне Овена Гвинета, уэльского принца, покинувшего свою страну, протестуя против разделения его братьями отцовских владений. Отправившись на запад на нескольких кораблях, он в 1170 году прибыл, как утверждает сэр Томас Герберт в своих «Путешествиях» (1834 год), в Мексиканский залив «неподалеку от Флориды». Обосновавшись там, он вернулся в Уэльс за подкреплением и снова отбыл на туманный запад, после чего о нем больше никто не слышал. Но, говорит историк, «хотя валлийский след в Новом Свете может показаться исчезнувшим, язык, на котором по сей день говорят эти каннибалы, а также их поклонение кресту, использование четок, святых мощей и некоторых других атрибутов, замеченное в Акузано и других местах... указывает на присутствие в прежние времена там нашего

Мэдока». Валлийцы, продолжает сэр Томас, оставили в своей американской колонии много названий «птиц, рек, гор, зверей и тому подобного. Некоторые из этих слов таковы: *Gwrando*, используемое в валлийской речи для обозначения понятия «слушать, внимать», *Pen-gwyn*, означающий у нас «белая голова», а мексиканцы так называют птицу и скалы, соответствующие этой идиоме. Некоторые географические названия по сей день имеют похожие названия, хотя и были изменены испанцами. Это острова Корроесо (Corroeso), мыс Брутейн (Brutaine), или Бриттейн (Brittaine). А также *Gwyndwr* – белая вода, *Vaga* – хлеб, *Mam* – мать, *Tate* – отец, *Dwr* – вода, *Bryd* – время, *Vi*, или *Buck* – корова, *Clugar* – тетерев, *Llwynog* – лиса, *Wy* – яйцо, *Calaf* – перо, *Trwyn* – нос, *Nef* – небеса. Таким достойным свидетельствам и доказательствам, по моему высокому мнению, никто, кроме разве что самых упрямых оппонентов, не сможет противопоставить ничего серьезного».

Памятники древней культуры в Америке

Обратившись к более солидным заключениям, касающимся сходства североамериканского индейца и европейского человека, мы обнаружим, что обоснованные научные аргументы этого были приведены только относительно недавно. Основываясь на последних геологических, антропологических и лингвистических знаниях, исследовате-

ли тайн американской этнологии прояснили вопрос о том, как было заселено Западное полушарие, причем приведенные ими аргументы настолько убедительны, что не оставляют сомнений у беспристрастного читателя.

Сегодня общепризнано, что появление человека в Старом Свете датируется столь отдаленной эпохой, что ее можно определить, только ссылаясь на геологические периоды (мы знаем их последовательность, но не знаем продолжительность), исследования показали, что то же самое можно сказать и о Западном полушарии. Хотя не приходится сомневаться, что человек нашел путь из Старого Света в Новый так давно, что для любых практических расчетов можно сделать допущение об одновременном заселении обоих полушарий. И в самом деле, «относительная древность человека в каждом полушарии не влияет на историю его прогресса».

Известно, что на американском континенте нет высокоорганизованных приматов (к примеру, больших обезьян, которых довольно много в Старом Свете), кроме самого человека, и это обстоятельство доказывает, что человек, должно быть, достиг Америки как чужак. Если бы человек был коренным жителем Нового Света, рядом с ним обязательно нашлись бы существующие или ископаемые представители больших обезьян и других антропоидных животных, которые иллюстрируют родословную Старого Света.

Великий миоценский мост

Внимательные исследователи заметили удивительное сходство между аборигенами Америки и жителями Северной Азии. В районе Берингова пролива Старый Свет отделен от Нового только узкой полоской воды, и подъем морского дна менее чем на двести футов может обеспечить «наземный мост» между двумя континентами шириной по меньшей мере в тридцать миль. Доказано, что Берингов пролив образовался в третичный период и что такой мост когда-то существовал. Американские геологи назвали его «миоценским мостом». Предполагается, что по этому мосту человек и попал из Азии в Америку, а последующее исчезновение моста ограничило его среду обитания Западным полушарием.

Американский человек в ледниковый период

Факт, что упомянутая миграция произошла до ледникового периода, доказывается тем обстоятельством, что в местах продвижения льда в Огайо, Индиане и Миннесоте, которых, как известно, достигла южная граница ледника, найдены кремневые орудия и другая утварь. Это доказывает, что человек, как и некоторые виды животных, также мигрировавших из Старого Света, по мере наступления льда ухо-

дил на юг. Между тем во многих случаях трудно с уверенностью принять то, что на первый взгляд может показаться свидетельством присутствия доисторического человека в Северной Америке; будет правильнее ограничиться наиболее аутентичными примерами. В лёссе Миссисипи в Натчезе доктор Диксон обнаружил почерневшие от времени человеческие кости рядом с останками мелодона и мегалоникса. Но сэр Чарльз Лайел указал, что эти останки могли быть занесены водой из многочисленных индейских захоронений в окрестностях. В Новом Орлеане во время прокладки газовых труб на глубине шестнадцати футов от поверхности был обнаружен скелет, череп которого покоился под гигантским кипарисом. Но отложения, в которых были найдены останки, как впоследствии было установлено, датировались более поздним периодом. В Пти-Энз, Луизиана, на глубине от шестнадцати до двадцати футов от поверхности, в отложениях соли рядом с клыками и костями слона была обнаружена тростниковая циновка. В донных отложениях реки Бурбез, Миссури, доктор Кох нашел останки мастодонта. Он завяз в болоте и, увлекаемый вниз своим гигантским весом, не смог выбраться. На него напали охотники той далекой эпохи – сохранились следы их нападения (вперемешку с костями были найдены камни и наконечники кремневых стрел). Не имея возможности разделаться с огромным животным с помощью своего несовершенного оружия, они развели большие костры, о чем свидетельствуют кучи угля высотой до шести фу-

тов, дым которых, предположительно, удушил мастодонта.

В Айове и Небраске доктор Оги обнаружил много свидетельств присутствия раннего человека – с костями мастодонта были смешаны различные каменные орудия. В Калифорнии, Колорадо и Вайоминге в отложениях, не имеющих видимых признаков сдвига, было найдено большое число каменных ступ, наконечников стрел и копий. Следы древних шахтерских работ также встречаются в Калифорнии и в районе озера Верхнего, причем скелеты первых шахтеров были обнаружены с каменными молотками в руках, лежащими под горами камней, которые погребли несчастных под собой. Поскольку объектом таких работ совершенно очевидно был металл какого-то вида, находки вполне обоснованно могут быть отнесены к более поздним периодам.

Череп из округа Калаверас

В 1866 году профессор Дж. Д. Уитни в округе Калаверас нашел череп, располагавшийся на глубине более ста тридцати футов в слое золотоносного песка на западном склоне Сьерра-Невада, Калифорния. Череп покоился на пласте лавы и был покрыт несколькими слоями лавы и вулканических отложений. Аналогичная геологическая картина наблюдалась при обнаружении других останков, что было сочтено убедительным доказательством присутствия человека в Америке уже в третичный период. Череп принадлежал че-

ловеку эскимосского типа, а химический анализ обнаружил присутствие органической материи. Эти обстоятельства позволили сделать вывод, что более чем солидный возраст реликта доктора Уитни никоим образом не подтверждается. Это мнение было подкреплено знанием, что смещение отложений, в которых был найден череп, часто вызывалось вулканической активностью.

Более поздние находки

Более поздние находки были описаны авторитетным американским этнологическим бюро следующим образом: «В послеледниковой террасе на южном берегу озера Онтарио мистер Томлисон, выкапывая колодец, наткнулся на остатки очага, что с полной очевидностью указывает на раннее присутствие аборигенов в бассейне реки Святого Лаврентия. Из ледниковых или непосредственно послеледниковых отложений в Огайо до нас дошли следующие произведения материальной культуры человека: топор, располагавшийся на глубине двадцати двух футов недалеко от Нью-Лондона; предмет, напоминающий острогу, находившийся на глубине шестнадцати футов в слое гравия ледникового периода в Ньюкомерстауне; обработанные камни – также в гравии, один – в Мэдисонвилле на глубине восьми футов, другой в Лавлэнде на глубине тридцати футов. В Литл-Фолс, Миннесота, расположенные в пойме отложения песка и гравия со-

держали много искусственных предметов из кварца. Считается, что Миссисипи ушла из этой поймы в конце ледникового периода, но вопрос о времени, когда это произошло, подвергался серьезному сомнению Чемберленом. На берегу Миссури недалеко от Лэнсинга, Канзас, недавно были обнаружены части человеческого скелета, находившиеся на глубине двадцати футов. Однако геологи не пришли к единому мнению относительно возраста находки. В Клейтоне, Монтана, в отложениях, отнесенных к лёссу, на глубине четырнадцати футов был найден отлично сохранившийся топор. Два открытия, сделанные в зоне тектонических котловин и хребтов между Скалистыми горами и горными цепями, казалось бы, подтвердили древность пребывания здесь человека. В илистых отложениях долины реки Уокер, Невада, которые традиционно относят к ледниковому периоду, на глубине двадцати пяти футов была найдена обсидиановая утварь, а в Нампе, Айдахо, при работе насоса с глубины трехсот двадцати футов было извлечено глиняное изображение. Оно находилось в чередующихся слоях глины и рыхлой водоносной породы, лежавших под потоком лавы позднего третичного или раннего ледникового периода. Относительно ценности этих находок геологи спорят до сей поры».

Люди в Америке в более поздние периоды

Присутствие человека в Америке во время третичного пе-

риода представляется весьма сомнительным, хотя эти сомнения не разделяют почти все американские археологи. Однако нет никаких разногласий относительно его расселения на всем континенте во времена не столь отдаленные и все же бесконечно далекие от истоков самых ранних исторических записей Азии и Европы. В пещерах и кучах отходов по всей длине и ширине американского континента присутствуют многочисленные свидетельства наличия густонаселенных районов. Были обнаружены смешанные с раковинами моллюсков и костями вымерших животных человеческие останки и кухонная утварь, причем со следами огня, и это неопровержимо доказывает, что человек тех далеких дней уже поднялся над уровнем чисто животного существования, которое вели первые поселенцы, пришедшие в Америку.

Родство с народами Сибири

Как уже было сказано, исследователи постоянно подчеркивали сильное сходство между американской расой и обитателями Северо-Восточной Азии. Причем это сходство не только физическое – оно затрагивает также обычаи и в какой-то степени религиозные верования.

«Военные танцы и методы, применяемые в медицине остяками и колюсчами, похожи до мельчайших деталей, – пишет Э.Дж. Пейн в своей двухтомной «Истории Нового Света». – А миф о человеке, забравшемся на небеса с очень

высокого дерева, а потом спустившемся обратно на землю с помощью куска кожи, веревки из травы, косы или вьющегося столба дыма из трубы хижины, встречается не только у угорских племен, но и у индейцев Догриба. Есть мнение, что подобные сходные мифы, хотя и недостаточны для доказательства существования общих предков, все же указывают на наличие ранних связей между этими удаленными друг от друга народами. С другой стороны, высказывается предположение, что суеверия вряд ли возникли только как следствие общения – они указывают на общее происхождение. Так, у ительменов Камчатки запрещено нести горящую головешку иначе чем держа ее пальцами; ее ни в коем случае нельзя протыкать для этой цели кончиком ножа. Аналогичное суеверие существует и в Дакоте. А когда племена, обитавшие на берегах Гудзонова залива, убивали медведя, они обмазывали его голову яркими красками и пели гимн религиозного характера, чтобы умиловить дух умершего животного. Подобная практика существует в Сибири, а также встречается среди гиляков Амура и айну. Остяки развешивали шкуру медведя на дереве и выражали ей знаки глубочайшего уважения – они обращались к ней, моля о прощении дух животного за то, что были вынуждены предать его смерти. Более того, они обычно клялись «медведем», как изысканные афиняне клялись «собакой». Кроме того, считается, что земляные сосуды изготавливались не только ительменами, но также алеутами и колюсчами Нового Света. Ассинибойны, обосновавшиеся

на юге, готовили мясо в котлах из шкур, в которые, чтобы нагреть воду, помещали раскаленные камни».

Некоторые факты об американских языках

Структура языков аборигенов Америки подтверждает заключение о том, что американская раса берет начало от одного, а не от нескольких источников и что ее родина – Северо-Восточная Азия. Причем речь идет не только о сходстве «техники» речи американской и соседних азиатских народов, но и об отрицании лабиальных взрывных согласных, которое прослеживается в речи племен северной части Азии и через Алеутские острова перешло на северо-запад американского континента. Это вполне убедительное доказательство родства.

Доказательства взаимосвязей с Азией

В доказательствах наличия связей между Азией и Америкой в доисторические и относительно недавние времена недостатка нет. То, что русские знали от коренных сибиряков о существовании Америки задолго до открытия Берингом побережья Аляски, является установленным фактом. В труде, посвященном происхождению индейцев, Шарлевуа утверждает, что отец Греллон, один из священников-иезуитов

тов, на азиатских равнинах встречал женщину из племени гуронов, которую продавали из одного племени в другое до тех пор, пока она не пересекла Берингов пролив и не очутилась в Центральной Азии. Подобные эпизоды могут показаться незначительными, однако именно с их помощью устанавливаются важнейшие истины. Если с одним человеком поступили так, вероятно, есть и другие аналогичные случаи.

Более поздние миграции

Существуют достойные уважения теории, согласно которым расселение индейцев на землях Северной Америки стало результатом последней из множества азиатских миграций на этот континент. Если верить скандинавским сагам, где описываются посещения скандинавскими мореплавателями восточного побережья Америки еще в X веке, описания встреченных этими путешественниками людей ни в коей мере не совпадают с описанием краснокожего человека. Викинги прозвали американских аборигенов щепками из-за их тщедушной внешности. Судя по рассказам, это были люди, родственные эскимосам. Большое количество останков, найденных в восточных штатах, принадлежит людям именно эскимосского типа, и, если сопоставить этот факт с традициями индейцев мигрировать, традициями, которые не могли пережить много поколений, станет ясно, что точное время появления краснокожего человека в Америке окончательно

не установлено.

Скандинавы в Америке

Мы уже ссылались на визиты скандинавов в Америку в X веке, и теперь необходимо немного добавить к этому, безусловно, чрезвычайно занимательному вопросу, поскольку он является уместным при рассмотрении происхождения населения Северной Америки, заселявшего ее до индейцев. Колонизация скандинавами Исландии подтолкнула отважных викингов к продолжению своих морских путешествий дальше на север. В результате была открыта Гренландия. После этого не открыть Америку уже было невозможно. Биарн Херюльфсон, плывший из Исландии к Гренландии и не знавший этих вод, попал в полосу густого тумана и шквального ветра и не ведал, куда плывет. «Мне кажется, наше дальнейшее путешествие было абсолютно бессмысленным, – смеялся позже отважный норманн, – тем более что никто из нас не видел Гренландского моря». Но, упрямо продвигаясь вперед, искатели приключений наконец заметили землю. Только это была не ледяная страна, которую они ожидали увидеть. Перед ними раскинулась холмистая, заросшая лесом местность. «Взяв немного в сторону, они снова увидели землю, такую же, как первая. Ветер стих, и моряки захотели высадиться на берег, но Биарн отказался. Через пять суток после этого они подошли к Гренландии. Судя по всему, Биарн

попал в арктическое течение, которое идет на юг между Исландией и Гренландией, и его отнесло к берегам Новой Англии».

Лейф Счастливый

Биарн не стал продолжать свои открытия, но при дворе норманнского эрла Эйрика, которому он нанес визит, о его путешествиях и отказе их продолжать много говорили. Да и вся Гренландия была взбудоражена новостями. Через некоторое время Лейф, сын Эйрика Рыжего, получивший прозвище Счастливый, купил корабль Биарна, нанял команду из тридцати пяти матросов, среди которых был германец по имени Тиркер, и отплыл к найденной Биарном земле. Вскоре он ее обнаружил и бросил якорь у берега, но это оказалась каменистая, безжизненная земля. Норманны называли ее Хеллу-лэнд, или «Земля плоских камней». Затем они отправились дальше на юг и вскоре увидели другую землю, которой дали имя Марк-лэнд, или «Земля деревьев», поскольку она изрядно заросла лесом. Они покинули и этот берег и снова вышли в море.

Земля вина

Продолжая держать курс на юг, норманны вошли в про-

лив, разделяющий остров и мыс. Здесь они высадились и построили хижины. После ледяных ветров Гренландии воздух здесь им показался теплым и приятным, и даже в самый короткий день солнце стояло над горизонтом с половины восьмого утра до половины пятого вечера. Путешественники разделились на две группы и отправились исследовать землю. Однажды германец Тиркер пропал. После долгих поисков его обнаружили неподалеку от лагеря, в состоянии большого возбуждения. Он нашел лозы с виноградом! Огромное искушение для человека, родившегося на земле виноградных лоз и долгое время их не видевшего. Путешественники нагрузили лодку виноградом и приступили к рубке леса, чтобы загрузить судно. Весной они покинули гостеприимную страну, дав ей имя Вайн-лэнд, или «Земля вина».

Представляется вероятным, что Хеллу-лэнд – это Ньюфаундленд или Лабрадор, Марк-лэнд – Новая Шотландия, а Вайн-лэнд – Новая Англия. Зимовал Лейф где-то на Род-Айленде.

«Щепки»

В 1002 году брат Лейфа Торвальд отплыл на корабле Биарна к новой земле. Он исследовал землю от того места, где высадился Лейф (норманны называли ее «Хижины Лейа») в южном и северном направлениях. Однако на мысе недалеко от Бостона он подвергся нападению «щепок», населявших

страну, и был убит. Судя по описаниям, это были тщедушные люди маленького роста (за это и прозванные «щепками»), больше похожие на карликов и имевшие явное сходство с эскимосами. В 1007 году была предпринята попытка колонизации страны с берегов Гренландии. Три корабля со ста шестьюдесятью мореплавателями на борту подошли к Вайн-лэнд и остались там на зимовку. Однако непрекращающиеся нападения «щепок» сделали колонизацию невозможной, и норвежцы отбыли домой. Исчезновение скандинавских колоний в Гренландии положило конец всем связям с Америкой. Последнее путешествие из Гренландии к американским берегам имело место в 1347 году, то есть всего за сто сорок пять лет до открытия Колумбом Вест-Индских островов. В 1418 году населявшие Гренландию «щепки» – эскимосы – атаковали и уничтожили норманнские поселения и увели колонистов в рабство. Возможно, потомков именно этих норманнов, бросивших вызов ледяному миру Арктики, обнаружил последний арктический исследователь!

Аутентичность норманнских открытий не подвергается сомнению. На них указывают не менее семнадцати древних исландских документов, а Адам из Бремена упоминает об открытой ими территории как о широко известной стране.

Дайтон-Рок

Издавна считалось, что надписи на скале, известной под

названием Дайтон-Рок, расположенной на берегу реки Таунтон в Массачусетсе, имеют скандинавское происхождение, а датский антиквар Рафн объявил, что они являются руническими. С ничуть не меньшей проникательностью Курт де Гебелин и доктор Стайлс усмотрели в этих надписях финикийскую природу. В действительности можно считать вполне определенным, что надписи имеют индейское происхождение, поскольку аналогичные наскальные изображения встречаются по всей длине и ширине северной части континента. Почти столь же сомнительными являются теории, согласно которым «старая мельница» в Ньюпорте является скандинавским сооружением. Каким бы достоверным ни был факт посещения скандинавами Америки, норвежцы определенно не оставили следов своего пребывания на этом континенте. Хотя сооружение в Ньюпорте действительно имеет отдаленное сходство с норвежской архитектурой Гренландии, район, где оно расположено, находится далеко за пределами сферы скандинавского влияния в Северной Америке.

Строители курганов

Вопрос о древности расы Северной Америки связан с трудной, но от этого не ставшей менее интересной археологической проблемой. В бассейне Миссисипи и штатах Мексиканского залива, главным образом на территории от Ла-

Кросс, Висконсин, до Натчеза, Миссисипи, а также в центральном и южном районе Огайо и прилегающих частях Индианы и Южного Висконсина обнаружены большие земляные курганы, типичной формой которых является пирамидальная. Встречаются также круглые и пятиугольные курганы. Некоторые из них террасированы с одной или двух сторон, другие имеют дороги, ведущие к вершине. Причем такие курганы не просто места сбора отходов – они являются сооружениями, созданными по определенному плану, постройка их требовала большого труда и значительного мастерства. «Их форма, если она сохранилась, обычно представляет собой низкий, широкий конус с округлой вершиной. Его размеры варьируются от едва заметной выпуклости на поверхности земли до возвышений высотой восемьдесят или даже сто футов и диаметром от шести до трехсот футов», – читаем мы в бюллетене № 30 Американского этнологического бюро.

Курганы в форме животных

Многие из этих сооружений имеют форму того или иного животного, возможно давшего имя племени, воздвигнувшему курган. Центром этих единичных сооружений представляется Висконсин, где их довольно много. Встречается орел, волк, медведь, черепаха и даже нечто напоминающее фигуру человека. Найдены птицы с распахнутыми крыльями (бо-

лее тридцати двух ярдов между кончиками крыльев), а также млекопитающие (длина более шестидесяти пяти ярдов). Не обошлось и без рептилий, которые представлены в основном огромными ящерицами. В Миннесоте существует по меньшей мере один курган, имеющий форму паука, тело и ноги которого покрывают площадь в один акр.

Согласно классификации Сквайера, эти сооружения использовались для погребений, жертвоприношений и наблюдений, а также как площадки для храмов. Другие строения, часто обнаруживаемые в непосредственной связи с ними, очевидно, являются своего рода оградами и, скорее всего, возводились в целях обороны. Конические курганы обычно строили из камней и земли и чаще всего использовали для погребений. Сооружения с плоским верхом, вероятно, служили площадками под здания, такие как храмы, жилища верховных вождей и др. Захоронения редко производились в стенах или курганах. Многие оградительные сооружения имеют правильную геометрическую форму – круга, квадрата, восьмиугольника – и за редким исключением находятся в Огайо и прилегающих к нему частях Кентукки, Индианы и Западной Вирджинии. Они заключают в себе пространство от одного до сотни акров.

Что находится в курганах

В погребальных курганах было найдено большое количе-

ство предметов, проливающих свет на обычаи изготовивших их людей. Часто встречаются медные пластины с выбитым изображением, которое трудно объяснить. В одном из курганов было найдено не менее шестисот каменных топоришков средним размером семь на четыре дюйма. Из другого извлекли двести кальцинированных табачных трубок и медные украшения с тонким серебряным покрытием. Также были обнаружены предметы гончарного искусства, изделия из обсидиана, костяные иголки и украшения, сделанные из очень тонкого слоя слюды. В одних курганах тела усопших кремировали, в других – укладывали горизонтально или в согнутом виде. В отдельных случаях прах складывали внутрь черепа. Довольно часто встречается всевозможная утварь, топоры, шила и другие медные инструменты.

Гробница Черной Черепахи

Более детальное описание одной из групп погребальных курганов может дать представление об этих сооружениях в целом. Имеющаяся в виду группа была обнаружена в Миннесоте на северном берегу реки Святого Петра, в шестидесяти милях от места ее слияния с Миссисипи. Она включает двадцать шесть курганов, расположенных на одинаковом расстоянии друг от друга, образуя большой прямоугольник. Центральный курган сооружен в виде черепахи длиной сорок футов, шириной двадцать семь и высотой двенадцать.

Он почти полностью состоит из желтой глины, которой нет в непосредственной близости, иначе говоря, ее, скорее всего, доставили издалека. К северу и югу от основного кургана возвышаются два треугольных кургана из красной земли, каждый из них имеет длину двадцать семь футов и ширину около шести футов с одного конца. Противоположный конец убывает по конусу почти до уровня поверхности. В каждом углу воздвигнут круглый курган высотой двенадцать футов и диаметром двадцать. С востока и запада от сооружения насыпаны два кургана удлиненной формы длиной шестьдесят футов и диаметром двенадцать. Два кургана меньшего размера справа и слева от кургана-черепахи имеют длину двенадцать футов и ширину четыре фута каждый. Они состоят из белого песка с примесью слюды, один покрыт слоем глины, а другой – перегноем. И наконец, завершают группу еще тринадцать небольших курганов.

Конант объясняет структуру группы следующим образом: «Главная гробница – последнее пристанище великого вождя – Черной Черепахи. Четыре кургана, образующие углы квадрата, были воздвигнуты как знак скорби племени. Второстепенные курганы – это могилы других вождей, а маленькие курганы, возведенные на севере и юге, соответствуют числу тел, в них помещенных. Два остроконечных кургана означают, что Черная Черепаха был последним представителем своего рода, а два больших кургана – важность этого рода и его достоинство. Два кургана слева и справа от царственной

гробницы отмечают место захоронения прорицателей, которые до сегодняшнего дня играют важнейшую роль в индейских племенах. Частицы слюды в курганах означают их положение».

Кто строил курганы?

Вряд ли читатель согласится со всеми выводами предыдущего параграфа, в котором утверждается, что описываемые сооружения имели некое тайное, а не только погребальное значение. Но подобные рассуждения не могут ослабить острый интерес к предмету. Они могут лишь раздражать вдумчивого читателя, желающего увидеть разумное логическое заключение. Кто были люди, построившие курганы Огайо и Миссисипи и распространившие свою культуру от штатов Мексиканского залива до Великих озер? Нет необходимости повторять, что ученые прошлого века утверждали, что это были пришельцы из-за моря, поклонявшиеся солнцу и змею, которые покинули города Египта, Персии и Финикии и обосновались на западе, чтобы без помех отправлять свои религиозные верования. Но такая точка зрения не разделяется современной наукой, которая видит в строителях курганов и пирамид предков современных аборигенов Северной Америки. Многие из предметов, найденных в курганах, изготовлены в Европе или свидетельствуют о связях с Европой, что доказывает относительную молодость курганов, в которых

они содержались. Найденные предметы и характер различных скульптурных изображений указывают на уровень культуры, сходный с существовавшим среди более высокоразвитых племен, населявших районы, где находились курганы, в период прихода белых. Более того, утверждения первых писателей, посетивших те районы, например членов экспедиции Де Сото, убедительно доказывают, что некоторые из структур были возведены индейцами в послеколумбову эпоху. «Известно, что некоторые из племен, обитавших в штатах Мексиканского залива, когда Де Сото в 1540–1541 годах проследовал через их территорию, племена ючи, крик, чикасо и натчез, все еще использовали и, возможно, строили курганы и что куапо из Арканзаса также их использовали. Существует также документальное свидетельство того, что «техасское» племя продолжало использовать курганы в конце семнадцатого века, когда на одном из них построили дом вождя. Также есть достаточно доказательств, подтверждающих заключение, что чероки и шауни были строителями курганов... Согласно утверждению мисс Флетчер, виннебаго строят миниатюрные курганы в своих палатках во время некоторых церемоний» (бюллетень № 30 Американского этнологического бюро).

В курганах не было найдено ничего, что могло бы подтвердить их большую древность, и в настоящее время среди археологов существует тенденция относить их происхождение к относительно недавнему периоду.

«Нации» Северной Америки

Чтобы лучше понять историю и обычаи расы аборигенов Северной Америки, следует выделить разные этнические группы, из которых она состоит. Произведя такую классификацию по лингвистическому (единственно возможному в данной ситуации) принципу, мы обнаружим, что, несмотря на многообразие языков, представленных в Северной Америке, их можно свести к десяти или двенадцати примитивным основам. Давайте прежде всего рассмотрим географическое положение «наций» американских аборигенов в XVI столетии (в период появления белого человека), когда они еще занимали свои родовые территории.

Атапаски жили на широкой полосе, протянувшейся через весь континент от Тихого океана до Гудзонова залива и почти до Великих озер. Родственные им племена продвигались далеко на север, до самого устья реки Маккензи, и на юг, до Скалистых гор, огибая их, выходили на побережье в Орегоне, к югу от эстуария реки Колумбия, и расселялись на равнинах Нью-Мексико – как апачи, навахо и липаны. Атапаски – самое распространенное из индейских лингвистических семейств в Северной Америке. Они расселились на территории, занимающей более сорока градусов широты и семидесяти пяти градусов долготы. Северная ветвь атапаскского семейства, называемая дене, состоит из трех групп пле-

мен: восточной, северо-западной и юго-западной, которые живут соответственно возле Скалистых гор, на Аляске и в горах Британской Америки. Тихоокеанские племена живут в небольших деревнях на территории протяженностью около четырехсот миль между Орегоном и рекой Иль в Калифорнии. Южные племена занимают значительную часть Аризоны и Нью-Мексико, южные земли Юты и Колорадо, запад Канзаса и север Мексики вплоть до двадцать пятого градуса широты. Социальные условия и обычаи, также как и диалекты, на которых говорят в различных ответвлениях этой большой семьи, значительно отличаются друг от друга и зависят от климата и окружающей среды. Обладавшие очень хорошей приспособляемостью атапаски переняли много обычаев и церемоний племен, с которыми устанавливали контакты, не выказывая явного желания создать собственную культуру. Их племена не были сплоченными и подразделялись на отдельные семейные группы или свободные союзы, которые признавали своеобразное патриархальное правительство и общее происхождение. Снабжение продовольствием было случайным, поскольку люди питались исключительно добычей, полученной охотниками. Постоянные, никогда не прекращающиеся поиски пищи сделали этих людей несколько приземленными и ограниченными.

Ирокезы

Ирокезы – гуроны, тускарора, сусквеханноки, нотто-веи и другие – населяли большую территорию от реки Святого Лаврентия и озера Онтарио до Роанока. Несколько их племен объединились в конфедерацию, известную под названием «пять наций» – каюга, могаука, онейда, онондага и сенека. Чироки, жившие в долинах Восточной Теннесси, оказались, являются одним из первых ответвлений племени ирокезов. Этот народ отличался воинственностью и излишней жестокостью, что сделало его кошмаром белого населения. Большинство ранних колониальных войн велось именно с ирокезами, а само название этого народа, позаимствованное у алгонкинов, означало «настоящие гадюки», что, возможно, не было преувеличением. У них были вожди, которые, и это само по себе странно, назначались матронами племени, чье решение утверждалось племенным и союзным советом. «Пять наций» ирокезов составили конфедерацию ирокезов, созданную в 1570 году в качестве последней попытки объединить эти племена. Могаука, оставившие весьма заметный след в колониальной истории, были одним из входящих туда племен. Многие племена ирокезов были помещены канадским правительством на Гранд-Ривер, Онтарио, где они живут до сих пор... Все ирокезы (Соединенных Штатов) живут в резервациях в Нью-Йорке, кроме онейда, которые

обосновались в Грин-Бей, Висконсин. Так называемые сенека из Оклахомы являются остатками многих племен и эмигрантами из всех племен ирокезской конфедерации. В 1689 году ирокезов насчитывалось около двенадцати тысяч, а в 1904 году – более шестнадцати тысяч.

Алгонкины

Семейство алгонкинов окружало ирокезов со всех сторон. Они жили западнее – вплоть до Скалистых гор, где особенно дурную славу приобрело одно из ответвлений этого семейства – черноногие, являвшиеся героями многих рассказов об индейцах. Они были несколько умереннее, чем ирокезы, и имели не столь спартанские привычки. Их западная группа состояла из черноногих, арапахо и чейеннов (шайеннов), живших у восточного склона Скалистых гор. Северо-восточная группа охватывала племена, населявшие Квебек, приморские провинции и Мэн, включая монтанье и микмаков. Центральная группа, населявшая Иллинойс, Висконсин, Индиану, Мичиган и Огайо, включала племена фокс (лисы), кикапу, меномини и другие. В восточную группу входили все племена алгонкинов, жившие вдоль атлантического побережья, – абнаки, наррагансеты, нипмуки, могикане, шауни, делавары и поухатаны.

Алгонкины были первыми индейцами, установившими контакт с белыми людьми. Как правило, их отношения с

французами были вполне дружелюбными, но с английскими поселенцами индейцы нередко воевали. Восточное ответвление алгонкинов быстро потерпело поражение, остатки племен ушли в Канаду и долину Огайо. Из мелких племен Новой Англии, Вирджинии и других восточных штатов живых представителей не осталось, и даже исчез их язык, если не считать нескольких слов и географических названий. Племена, жившие в долине Огайо, образовали свободную конфедерацию с виандотами и предприняли попытку сохранить Огайо как индейское владение, но в 1794 году они потерпели окончательное поражение и были вынуждены уступить свою территорию. Вождь алгонкинов Текумсег в течение ряда лет вел яростную войну против Соединенных Штатов, но его поражение и смерть в 1811 году в Типпеканоэ подорвали боевой дух индейцев, и с 1815 года началась миграция индейцев на запад и постепенная сдача индейской территории, продолжавшаяся около тридцати лет.

Оседлые люди

На протяжении многих поколений алгонкины были жертвами конфедерации ирокезов. И только когда французы гарантировали им иммунитет от нападений традиционных врагов, алгонкины снова обратили свои взоры на восток, чтобы дать отпор англичанам. Высокие и хорошо сложенные алгонкины вели в основном оседлый образ жизни, занима-

лись сельским хозяйством, выращивали маис и дикий рис – свою основную пищу. Колонисты Новой Англии были не единожды спасены от голода этим трудолюбивым народом. В 1792 году армия Уэйна обнаружила огромную плантацию, которая тянулась вдоль реки Мауме от форта Уэйн до озера Эри, и этот факт подрывает всеобщее заблуждение о том, что индейцы были лишены таких достоинств, как трудолюбие и домовитость. Алгонкины использовали рыбу чешую и пепел в качестве удобрений, а также применяли лопаты и мотыги. Именно алгонкины научили белых поселенцев готовить такие популярные в Новой Англии лакомства, как блюда из дробленой кукурузы, из зеленой кукурузы с бобами и свиной, кленовый сахар и маисовые лепешки. Они умели дубить оленьи шкуры, превращая их в роскошные и очень теплые одежды, и, как и ацтеки, изготавливали накидки из птичьих перьев. Они изобрели сложную систему рисуночно-го письма. Короче говоря, они были самыми развитыми из всех восточных племен, они отстояли свою цивилизацию от агрессии белых людей и непрекращавшихся нападков своих извечных врагов – ирокезов. Возможно, она развилась бы в нечто подобное культуре нагуа в Мексике, но без демонстрации кровавого фанатизма этих людей. Величайшая слабость алгонкинов заключалась в недостатке твердости характера, что не позволило им достичь единства и высокой степени племенной организации для противостояния врагам.

Мускоги

К мускогам относятся индейцы чокто, чикасо, крики и семинолы, которые жили на территории штатов Мексиканского залива восточнее Миссисипи. Они занимали почти весь штат Миссисипи, Алабаму, а также части Теннесси, Джорджии, Флориды и Южной Калифорнии. Их встречал Нарваэс в 1528 году во Флориде, а Де Сото проходил через их территорию в 1540–1541 годах. К 1700 году все племена, жившие у залива Апалачи, цивилизовались, были обращены в христианство и осели в семи крупных городах. Но волна белых поселенцев отбросила мускогские племена с прибрежных территорий, и, хотя они упорно сражались за право жить на земле своих предков, это удалось немногим. Большинство представителей этой группы индейцев еще до 1840 года оказались в племенной резервации в Оклахоме. Они занимались сельским хозяйством, вели оседлый образ жизни и обитали в деревнях с капитальными домами. Существовало удивительное разнообразие, как физическое, так и духовное, между разными племенами мускогов. Они имели всеобщий совет, образованный из представителей от каждого города, который собирался раз в год или при необходимости. Почти все мускогские племена практиковали искусственную деформацию черепа, но главным образом это было характерно для племени чокто, которых даже стали называть «плос-

коголовые». Число мускогов на момент их первого контакта с белыми людьми оценивалось примерно в пятьдесят тысяч человек. В 1905 году их стало значительно больше, но теперь в их число входило около пятнадцати тысяч получивших свободу негритянских невольников.

Сиу

Род сиу, или дакота, – санти, янктоны, ассинибойны и тетоны – населяли территорию от Саскачевана до Луизианы. Это были во всех отношениях – и физически и духовно – самые высокоразвитые из всех западных племен, их смелость и выносливость никогда не подвергались сомнению. Сиу жили большими группами. Вождя выбирали исходя из выдающихся личных качеств и популярности. Власть вождя ограничивалась советом группы, без одобрения которого почти ничего нельзя было сделать. Воины набирались представителями племени, завоевавшими репутацию превосходных лидеров, а шаманы выполняли для них церемонии и прощальные обряды. Полигамия была обычным явлением. Останки умерших обычно, хотя и не всегда, помещали на деревянные подмости.

Кэддо

Семейство кэддо включает в себя три группы, разделенные по географическому принципу: северную, представленную индейцами арикара; среднюю, включающую конфедерацию пауни, когда-то населявших Небраску, и южную, в которую входят собственно кэддо, кичаи и вичита. Некогда очень многочисленное, сегодня это подразделение расы краснокожих представлено только несколькими сотнями индейцев, живущих в Оклахоме и Северной Дакоте.

Это были охотники, они также обрабатывали землю, владели искусством выделывания кожи и гончарным ремеслом.

Шошоны

Шошоны, или «змеи» из Невады, Юты и Айдахо, состояли из корнекопателей, команчей и других племен с низкой культурой. Были даже утверждения, что эти люди ближе к животным, чем любая другая часть человечества, живущего на планете. Тем не менее эти «испорченные» создания говорили на своем диалекте, и в их жилах текла частица крови тех самых ацтеков, которые создали империю Анагуака и воздвигли монументы, стоящие в ряду самых значительных архитектурных памятников Древнего мира.

Первые войны с белыми

Вслед за появлением поселений белых в Вирджинии последовали многочисленные мелкие войны между колонистами и индейцами, но в целом отношения между ними были достаточно мирными. Так продолжалось до большой резни белых женщин и детей, последовавшей 22 марта 1622 года. Мужчины-колонисты в это время работали в поле. За один только день было умерщвлено триста сорок семь стариков, женщин и детей. Этот холокост положил начало индейской войне, которая продолжалась непрерывно на протяжении многих лет и принесла огромные потери. Источником неприязни между людьми, принадлежащими к разным расам, стала неспособность понять точку зрения друг друга. Даже колонисты, на протяжении долгих лет имевшие благоприятные возможности для наблюдения и исследования индейцев, оказались не в силах понять их мировоззрение и истинный характер. С другой стороны, нечестность белых торговцев подняла среди индейцев волну воистину детского возмущения, у них в обиход вошло выражение «платишь за другое». Когда же индейца убивали, его ближайший кровный родственник считал своим долгом отомстить, убив первого встречного белого человека. Краснокожие и белые всюю обвиняли друг друга в нечестности и предательстве. Вероятно, колонисты, несмотря на наличие внешнего лоска,

в те времена были не намного менее невежественны и так же мстительно жестоки, как варвары, с которыми они сражались. Индейцы считали колонистов чужаками, явившимися, чтобы вмешаться в их дела и лишиться земли отцов, в то время как вирджинские пуритане были уверены, что являются солью земли, а индейцы – отверженными язычниками, посланцами сил тьмы. Поэтому уничтожение индейцев было вопросом не только политическим, но и религиозным. Обе стороны проявляли изощренную жестокость. Вслед за другой массовой резней 1644 года, стоившей жизни пяти сотням белых, последовало поражение индейцев, жестоко убивших колонистов. Незадолго до этого события племя пек-во из Коннектикута поссорилось с английскими торговцами, – они замучили всех, до кого смогли добраться. Белые мужчины из Коннектикута, которых возглавил ветеран многих военных конфликтов Джон Мэзон, вторглись на территорию пекво, окружили деревню Сассакуса, подожгли ее и убили шестьсот жителей. Племя оказалось уничтоженным, а его судьба настолько устрасила другие индейские племена, что в Новой Англии на много лет воцарился мир.

Война Короля Филипа

Голландское население Нью-Йорка одно время оказалось почти подавленным живущими в окрестностях индейцами, а в 1656 году колонисты Вирджинии потерпели сокрушитель-

ное поражение от аборигенов в битве, происшедшей на месте, где сейчас находится Ричмонд.

В 1775 году в Новой Англии началась новая индейская война, известная как Война Короля Филипа. Индейский вождь Филипп горько сетовал, что те из субъектов его управления, которые были обращены в христианство, вышли из-под контроля. Он решительно пошел войной на поселенцев, оставив многие их города в руинах. Но победа досталась колонистам. В сражении, названном «болотная битва», Филипп и его люди были разбиты.

Капитан Бенджамин Черч научил колонистов вести войну с индейцами их же методами. Он двигался так же неслышно, как аборигены, и, чтобы избежать шума, никогда не прибегал к огнестрельному оружию там, где можно было пустить в ход томагавк. Взятых в плен индейцев продавали в рабство на острова Вест-Индии, где из-за резкой перемены климата и тяжелого труда они быстро погибали.

Шаг за шагом белые теснили индейцев на запад, пока те не оказались на большом удалении от всех ранних поселений. Начиная с этого времени история конфликтов белого и индейского населения связана с продвижением поселенцев на запад.

Резервации

Со временем возникла необходимость установления над

всеми индейскими племенами полного контроля правительства Соединенных Штатов. А целям сохранения порядка могло бы послужить ограничение среды их обитания определенными пределами. Вышеуказанное привело к появлению политики расселения индейцев в особых территориях, названных резервациями. Этот шаг дал возможность индейцам осознать преимущества оседлого образа жизни и стабильности, создаваемой зависимостью жизненного уровня от промышленного производства, а не от непредсказуемых результатов охоты. Акт конгресса 1887 года положил начало существованию индейских племен как отдельных общин. Он также позволял делить племенные земли так, что каждый член племени мог иметь собственный участок. Многие из этих участков имели высокую ценность, и их обладатели совсем не чувствовали себя обделенными. В целом политика Соединенных Штатов по отношению к индейцам всегда диктовалась соображениями гуманизма и справедливости, но не было недостатка и в случаях, когда индейцам навязывались бесплодные, засушливые земли. Нередко, руководствуясь нуждами белых поселенцев, правительство выселяло краснокожих с земель, ранее считавшихся их собственностью.

История Покахонтас

Рассказывают много романтических историй о взаимоот-

ношениях первых белых поселенцев с индейцами. Среди них наиболее интересен рассказ о Покахонтас, дочери Поухатана, вождя одноименного союза индейских племен, некогда непримиримого врага белых. Покахонтас, в детстве часто игравшая с детьми колонистов, как раз навещала вождя по имени Джапазоз, когда английский капитан Аргал предложил последнему взятку, чтобы тот отдал девушку в его руки. Аргал отвез пленницу в Джеймстаун. Там она была окрещена, и на ней женился белый человек – Джон Рольф. Этот брак принес мир между индейцами и английскими поселенцами в Вирджинии.

Когда Дейл в 1616 году отправился обратно в Англию, он взял с собой нескольких индейцев. С ними были Покахонтас, которую теперь звали «леди Ребекка», и ее муж. Покахонтас в Англии называли принцессой и окружили всеобщим вниманием. Но накануне возвращения в колонию она умерла, оставив маленького сына.

В версии капитана Натаниэля Пауэлла изложены все известные факты о Покахонтас. «За это время леди Ребекка, она же Покахонтас, дочь вождя Поухатана, неустанными стараниями ее мужа Джона Рольфа научилась вполне приемлемо изъясняться по-английски, познала основы христианского учения. Она цивилизовалась и стала вести себя в соответствии с принятыми в Англии правилами хорошего тона. От мужа у нее был ребенок, которого она горячо любила, и Treasurer and Company приняли меры для поддержки обо-

их, да и другие претенденты – люди, занимавшие достаточно высокое положение, – были к ней добры. Прежде чем она прибыла в Лондон, капитан Смит поведал о ее достоинствах ее королевскому величеству и двору, для чего написал для королевы небольшую книгу, отрывок из которой приведен ниже.

*«Высокородной и добродетельной принцессе, королеве
Великобритании Анне*

Моя самая восхитительная королева!

Любовь к моему Господу, моему королю и моей стране, которую я свято храню в своем сердце, часто придавала мне смелости в самых ужасных опасностях, и сегодня честность заставляет меня взять на себя смелость и представить на суд Вашего величества сей короткий трактат. Если неблагодарность является смертным грехом для всех честных людей, я был бы виновен в этом преступлении, если бы упустил любое средство быть благодарным.

Итак, я начинаю.

Около десяти лет назад, будучи в Вирджинии, я попал в плен к индейцам и оказался во власти их верховного вождя Поухатана. Должен признаться, что я получил от этого великого дикаря самый любезный прием, особенно от его сына Нантаквауса, самого мужественного и благовоспитанного молодого человека из всех, кого мне доводилось встречать среди дикарей, и его сестры Покахонтас, любимой дочери

вождя. В то время она была ребенком двенадцати или тринадцати лет, и ее искреннее сочувствие моему бедственному положению не могло не снискать моего уважения. Я был первым христианином, которого увидел сей гордый вождь и его мрачные подручные, и, поработанный их варварской силой, я не могу утверждать, что имел возможность испытать нужду в чем-нибудь, если во власти моих смертельных врагов было это предотвратить. И это вопреки всем их угрозам. После шести недель откармливания среди сих диких придворных, в момент, когда меня должны были казнить, девушка рискнула своей жизнью, чтобы спасти мою. И не только это! Она сумела договориться с отцом, чтобы меня доставили в Джеймстаун, где я обнаружил около тридцати восьми бедных и совершенно несчастных созданий, призванных владеть обширными территориями Вирджинии. Мы были настолько слабы, что, если бы дикари нас не кормили, пришлось бы голодать. И это облегчение, благородная королева, принесла нам леди Покахонтас.

Несмотря ни на что, когда изменчивая Фортуна принесла нам войну вместо мира, эта нежная девушка не перестала навещать нас, именно ее стараниями наши ссоры часто урегулировались, а нужды удовлетворялись. Я не знаю, входило ли в намерения ее отца так использовать дочь, сделал ли ее своим орудием Всевышний, или всему причиной стала ее большая любовь к нашему народу. Но одно я знаю точно: когда ее отец собрал мощные силы и попытался заставить нас

врасплох, а при мне в то время было всего лишь восемнадцать человек, темная ночь не испугала девушку, и она отправилась в одиночестве через страшный лес, чтобы сообщить мне о нападении. Она же дала совет, как избежать ярости ее родителя. Знай великий вождь об этом, он бы, без сомнения, убил непокорную дочь.

Она посещала Джеймстаун, наверное, так же часто, как жилище своего отца, и на протяжении двух-трех лет (1608–1609) она, словно ангел Господень, охраняла нашу колонию от смерти, голода и напастей. Если бы в те дни колония была разрушена, то осталась бы таковой по сей день.

С тех пор многое изменилось и стало совсем другим, не таким, как было, когда я уехал из колонии. После моего отъезда началась долгая и тяжелая война между нашей колонией и ее отцом, на протяжении которой о девушке никто не слышал.

Два года спустя она сама была взята в плен, где оставалась более двух лет. Так колония была освобождена, с индейцами заключили мир. В конце концов, несмотря на то что девушка осталась дикаркой, на ней женился добропорядочный английский джентльмен, с которым она в настоящее время находится в Англии. Она – первая христианка из индейцев, первая жительница Вирджинии, заговорившая по-английски и родившая ребенка от англичанина, что, по моему мнению, чрезвычайно важно и достойно внимания высочайших особ.

Именно поэтому я позволил себе обратиться к Вашему ве-

личеству. Возможно, для этого рассказа могло быть найдено более достойное перо, но он не мог идти от более честного сердца. Я ничего и никогда не просил для себя. Только недостаток моих талантов и ее одиночество в нашем мире, Ваши неограниченные возможности и власть, ее нужды, добродетели и простота придали мне смелости, чтобы побеспокоить Ваше величество. Молю Вас принять участие в этой женщине, даже если знания о ней до Вас дошли от такого недостойного рассказчика, каким являюсь я. Состояние дел ее супруга не позволяет ей быть представленной Вашему величеству. Все, что я могу сделать, – это поведать Вам о ней, поскольку никто не сталкивался с результатами ее дел чаще, чем я, и никто лучше меня не знает, сколь силен ее дух, несмотря на хрупкое телосложение. Я боюсь, что, не будучи хорошо принятой в нашем королевстве, она может составить себе неверное представление о нем, и тогда ее любовь к нам и христианству вполне может превратиться в презрение и гнев, способные обратить все лучшее во зло. В то же время внимание величайшей из королев окажется для нее самой большой честью, на которую она не смела рассчитывать. А известная всем несравненная доброта Вашего величества к слугам, вне всякого сомнения, наполнит ее сердце удовлетворением и признательностью и заставит искренне полюбить Ваше величество и всех честных подданных нашего короля».

Далее капитан Пауэлл продолжает:

«За время, что я провел в Лондоне, придворные и некоторые другие лица – мои знакомые – навестили ее вместе со мной и пришли к выводу, что обращение в христианство пошло ей на пользу. Им доводилось видеть многих английских леди, значительно менее благовоспитанных и приятных в общении, чем леди Покахонтас. Насколько я слышал, их величества также высоко оценили ее, что, безусловно, доставило ей глубокое удовлетворение, было заслужено и составило бы приятные воспоминания, если бы она дожила до возвращения в Вирджинию.

К несчастью, в Грейвсенде Господу было угодно призвать эту молодую леди к себе, но, несмотря на печаль из-за ее неожиданной смерти, людям, ее окружающим, было радостно видеть, сколь глубоко религиозной она осталась до самого конца. Любимый сын леди Ребекки Томас Рольф был оставлен в Плимуте у сэра Льюиса Стакли, пожелавшего заботиться о нем».

Похищение людей

Рассказывают много историй о том, как индейцы совершали набеги на поселения белых, а похищенных у них детей воспитывали в своих семьях. Одна из самых волнующих – история Франциски Слокам, которая в возрасте пяти лет была унесена из дома делаварами и прожила с ними до самой своей смерти в 1847 году. Когда ее обнаружили белые,

она была уже семидесятилетней старухой. Местный писатель поведал о ней следующее:

«Слокамы прибыли из Уорвика, Род-Айленд. Глава семейства, Джонатан Слокам, отец похищенной девочки, эмигрировал в 1777 году с женой и девятью детьми. Они поселились поблизости от одного из фортов на небольшом участке земли. Сейчас на этом месте находится город Уилкес-Барре. Семья исповедовала принципы миролюбия, и Джонатан не желал вмешиваться в беспорядки, происходящие в долине. Его сын по имени Жиль обладал взрывным темпераментом и не мог мириться с очевидными намерениями Англии и тори, поэтому он взял мушкет и принял участие в сражении 3 июля 1778 года.

Рыскающие по долине племена дикарей и бродяги тори продолжали сеять тревогу, появляясь в самых разных местах, и в месяце ноябре после сражения семью Слокам постигло несчастье. Их посетил отряд делаваров. Индейцы подошли к дому, перед которым двое парней Кингсли точили на большом точильном камне нож. На старшем был мундир колониальной армии, что вызвало ярость дикарей. Они без предупреждения застрелили юношу и сняли с него скальп тем самым ножом, который он так тщательно затачивал.

Выскочившая на шум миссис Слокам увидела, как сняли скальп с соседского парня.

Ее старшая дочь в панике схватила двухлетнего брата и бросилась в лес. Говорят, ее поспешное бегство вызвало у

индейцев только громкий смех. Они уже собирались увести с собой другого ребенка, но миссис Слокам указала на его изувеченную ногу и крикнула:

– Мальчик хромой, он вам не нужен!

Тогда дикари отпустили мальчика и нашли прячущуюся под лестницей Франциску. Все произошло очень быстро, и девочка, которую уносили из дома, смогла только крикнуть через плечо индейца:

– Мама!

Была объявлена тревога, но поздно: делавары уже ушли в горы.

В момент похищения мистера Слокама дома не было. Вернувшись, он узнал печальные новости.

На этом испытания, выпавшие на долю семьи, не окончились. Чаша терпения еще не переполнилась. 16 декабря мистер Слокам и его тесть Исаак Трип, мужчина весьма преклонных лет, а также Вильям Слокам, двадцатилетний юноша, пасли на лугу в непосредственной близости от форта скот и подверглись нападению индейцев. Мистер Слокам был застрелен на месте, мистер Трип получил огнестрельное ранение, после чего его добились копьями и томагавками. Вильям, получивший легкое ранение, сумел убежать и поднял тревогу, но индейцы снова успели уйти в горы. Это беспрецедентное по своей наглости и жестокости деяние было совершено, можно сказать, в пределах городка, в центре которого стояла крепость.

Таким образом, в течение одного месяца миссис Спокам потеряла маленькую дочь, похищенную делаварами, кровь ее сына Вильяма обагрила порог родного дома, а муж и отец оказались в могиле, убитые безжалостными индейцами. Поистине даже летопись жестокостей краснокожих, написанная кровью, знает немного подобных примеров.

В 1784 году после установления мира двое братьев Слокам отправились на Ниагару в надежде узнать хотя бы что-нибудь о судьбе пропавшей сестры, но безрезультатно. Были предложены крупные награды, но деньги не смогли вынудить индейцев признаться.

Маленькая Франциска была личностью широко известной среди многих индейских племен, но теперь она стала одной из них, хотя ее судьба и была окутана тайной.

Семья не прекращала попыток разыскать девочку. Было проведено несколько экспедиций на запад, но ни одна из них не стала успешной. В 1789 году много индейцев из разных племен были собраны в Тайога-Пойнт для заключения соглашения с полковником Проктором. Это была удачная возможность нанести визит одновременно нескольким племенам, но миссис Слокам, проведя несколько недель среди индейцев в безуспешных расспросах, была вынуждена вернуться домой в отчаянии.

В 1797 году братья провели почти все лето, обследуя самые дикие уголки запада, но также безрезультатно. Однажды у них появился лучик надежды, поскольку они действитель-

но обнаружили пленную белую девушку, но миссис Слокам сразу поняла, что это не ее Франциска. Мать уведенного в плен ребенка сошла в могилу, так ничего и не узнав о судьбе дочери.

В 1826 году мистер Джозеф Слокам, услышав о видном вожде виандотов, имевшем женой белую женщину, немедленно отправился к нему, но был разочарован, встретив женщину, которая определенно не могла быть Франциской. Семья уже оставила надежду и память о потерянной сестре покрылась пеленой забвения, когда изменчивая фортуна явила один из своих капризов, которых не дано понять человеку, и пролила свет на судьбу девочки из Вайоминга.

Полковник Эвинг, близко контактировавший с индейцами, остановился на отдых в одном из индейских племен, где обнаружил женщину, черты которой явно указывали на принадлежность к иной расе, хотя кожа ее была такой же красной, как у любой индейской скво. Он начал расспрашивать, и женщина сказала, что совсем маленькой она была уведена от родителей, что ее фамилия была Слокам, а сейчас она уже так стара, что ей все равно, узнают ли прежние родственники о ее местонахождении.

Полковник хорошо знал, с каким нетерпением многие сердца ждут известий о пропавших в далекие годы детях, и, полагая, что проявит милосердие, написал следующее послание почтмейстеру Ланкастера, Пенсильвания.

«Логанспорт, Индиана, 20 января 1835 года

Уважаемый господин.

В надежде, что мое сообщение принесет хорошие плоды, пользуюсь случаем сообщить Вам и Вашим согражданам, потомкам первых поселенцев с берегов Саскуэханны, следующую информацию. Если еще есть живые представители семейства Слокам, надеюсь, она может быть им передана с помощью местных печатных изданий.

В индейском племени майами живет пожилая белая женщина, несколько дней назад, когда я остановился в лагере, поведавшая мне, что она была в раннем детстве уведена из дома отца, расположенного на или около реки Саскуэханна, делаварами, которые тогда враждовали с белыми. Она поведала мне, что ее отца звали Слокам, он был квакером, был небольшого роста, субтильного телосложения, имел светлые волосы, много морщин и носил шляпу с широкими полями. Семья жила в полумиле от города, где был расположен форт, в двухэтажном деревянном доме, рядом с которым протекал ручей. Она сказала, что трое делаваров вошли в дом, когда там никого не было, кроме нее и еще двоих или троих ребятшек. Отец и братья в это время занимались заготовкой сена. Индейцы унесли ее в племя, она была принята в семью, вырастившую ее как собственного ребенка. Индейские родители умерли лет сорок назад где-то в Огайо. Потом она вышла замуж за индейца майами, от которого имела четверых детей, двое из которых – дочери – до сих пор живы, и

она живет с ними. Ее муж умер, сама она старая, слабая и считает, что долго не проживет.

Эти соображения и заставили ее рассказать свою историю, чего раньше она ни за что бы не сделала, поскольку опасалась, что за ней придут ее родственники и заберут. Она прожила долгую и счастливую жизнь среди индейцев и, если бы не цвет кожи, ничем не отличалась бы от любой индейской скво. Она богата и уважаема, честна и обладает завидным здравомыслием. Ее имя безупречно. Женщина поведала, что ее отец имел большую семью, восемь детей, шестеро, если она правильно помнит, были старше ее, и один ребенок младше. Она не сомневается, что живы их потомки, но считает, что все ее братья и сестры уже мертвы, потому что она сама уже тоже очень старая и близка к могиле, ей около восьмидесяти лет. Она припоминает, что была уведена в плен до двух последних войн. Это, должно быть, означает революционную войну, поскольку война Уэйна и последняя война были после нее. Она уже давно забыла свой родной язык и говорит только по-индейски, который я хорошо понимаю, и потому узнал ее подлинную историю.

Эта женщина забыла свое собственное имя, но помнит, что ее отца звали Слокам и он был квакером. Семья жила где-то на реке Саскуэханна. Я полагал, что Вы сможете поместить какую-то информацию из этого письма в местные газеты, которые имеют шанс попасться на глаза потомкам семьи Слокам, знающим из семейных преданий о том, что семье-

сят лет назад их маленькая родственница была уведена из семьи индейцами. Если это произойдет и кто-нибудь из них приедет сюда, я отведу их в племя, где они смогут увидеть живой и здоровой описанную мною старую женщину.

Я не сумел понять, где именно на реке Саскуэханна жило семейство Слокам в период революционной войны, но, возможно, Вы сможете установить это с большей точностью. Надеюсь, Вас заинтересует рассказанная мной история и Вы сможете уведомить братьев и сестер женщины, если они еще живы, а если нет – их детей, что они имеют возможность познакомиться с родственницей, чья судьба была окутана тайной на протяжении семидесяти лет и о которой их безутешные родители пролили немало горьких слез. Они сошли в могилу, так ничего и не узнав о судьбе обожаемой дочери. Меня очень тронула эта история, и я надеюсь, что оставшиеся в живых друзья и родственники семьи благодаря Вашей доброте смогут получить собранную мной информацию. Если я сумею оказаться им чем-нибудь полезным, я целиком в их распоряжении. Надеюсь, Вы простите мою смелость, с которой я, незнакомец, позволил себе обратиться к Вам. Примите заверения в моем глубоком уважении. Ваш покорный слуга

Дж. У. Эвинг».

Это письмо постигла участь многих других – оно оказалось отброшенным и забытым.

Почтмейстер умер, и через некоторое время его супруга начала приводить в порядок дела. Пробираясь сквозь бумажные завалы, она случайно наткнулась на письмо полковника Эвинга. Оно заинтересовало женщину, почувствовавшую симпатию и сострадание к особе своего пола, и она приняла решение поведать об этой истории миру. Не теряя времени, она отправила письмо в Ланкастер редактору «Интеллидженс», где оно и было опубликовано.

Маленькие местные газеты, каждая сама по себе, не совершают ничего революционного, но они попадают в самые отдаленные уголки и, взятые в совокупности, могут сделать больше, чем многие мощные печатные издания.

Так получилось и в этом случае. Ланкастерское издание готовило дополнительный выпуск, и поступившее письмо оказалось весьма кстати, чтобы «заполнить место на полосе». Так письмо попало на глаза Самуэлю Боумену из Уилкес-Барре. Он знал Слокамов и вообще живо интересовался историей долины.

В то время его в долине не было, но воспоминания о первых днях в Вайоминге согревали его сердце. Он отправил газету Слокаму, брату похищенной девушки, и это было воспринято как волшебство. Историю Франциски знали все, и ее судьба никого не оставила равнодушным. С тех пор как маленькую невинную девочку унесли из родного дома, прошло более шестидесяти лет, и наконец пропажа нашлась.

Существовал один безошибочный признак, по которо-

му можно было узнать девочку: будучи совсем малышкой, Франциска играла с братом в кузнице, и мальчик случайно ударил ее молотком по пальцу, который впоследствии зажил, но так и не приобрел первоначальную форму.

Мистер Слокам в сопровождении брата и сестры отправился на беседу с индейской женщиной и, заметив искривленный палец, спросил через переводчика:

– Откуда взялась эта отметина? Ответ был уверенным и убедительным:

– Очень давно, еще до того, как меня унесли индейцы, брат ударил меня в кузнице молотком.

Эта примета послужила неопровержимым доказательством того, что пропавшая девочка нашлась. Ее память оказалась прекрасной, она точно помнила детали событий, происшедших более шестидесяти лет назад, и пробудила искреннюю симпатию в сердцах представителей семейства Слокам. Ее жизнь, хотя и не была легкой, оказалась счастливой, и никакие уговоры не смогли заставить ее покинуть лагерь ставшего ей родным племени.

Актом конгресса Макон-аква, таково индейское имя Франциски Слокам, был пожалован участок земли площадью в одну квадратную милю в резервации индейцев Индианы к западу от Миссисипи. Она могла владеть им пожизненно и передавать наследникам. Женщина умерла 9 мая 1847 года и была похоронена по христианскому обычаю в красивейшем месте, где реки Миссиссинева и Вабаш объединяют

свои воды на пути к морю.

История похищенной девочки из Вайоминга не оставила равнодушным ни одно сердце истинного христианина. Она более поэтична и романтична, чем любая из ей подобных».

Жилища

Жилища североамериканских индейцев могут быть подразделены на общинные (если использовать термин «общинный» в смысле «вмещающий более одной семьи») и одиночные или семейные. «Сама по себе архитектура жилищ северных племен не имеет большого значения, но чрезвычайно важна, если рассматривать ее как результат сложившихся социальных условий, а также для сравнения с постройками в южных индейских деревнях. Типичные общинные жилища, как, например, у ирокезов, имели длину 50-100 футов и ширину 16–18 футов, каркас из шестов, а стены и треугольная крыша были покрыты корой (обычно ильма). Внутреннее помещение было разделено на ряд «комнат», а в крыше оставлено дымовое отверстие. Могиканский дом имел такую же форму, размер 14 x 60 футов, стены и крышу из тростника или коры каштана и отверстие в верхней части крыши, тянущееся из конца в конец. Общинный дом манданов имел круглую форму и диаметр около 14 футов. Он поддерживался двумя рядами шестов и поперечных связей, а широкая крыша и наклонные стены были покрыты циновками

из ивовых или кустарниковых прутьев и земель. Очаг находился в середине. Морган считает, что продолговатые, имеющие круглые крыши дома племен Вирджинии и Северной Каролины, увиденные и описанные капитаном Джоном Смитом и изображенные Джоном Уайтом, были общинными. То, что некоторые из них вмещали несколько семей, установлено точно. К классу общинных Морган также относит круглые, выполненные в форме купола земляные жилища долины Сакраменто, а также построенные в форме буквы L, похожие на шатер тростниковые жилища в некоторых районах Калифорнии. Однако главным примером общинных жилищ являются большие, иногда массивные многоячеистые постройки из камня или кирпича-сырца Нью-Мексико и Аризоны, называемые пуэбло. Эти дома весьма разнообразны по форме: одни полукруглые, другие прямоугольные, но все они имеют внутреннюю площадь – пласа. Этажи (вплоть до седьмого) поднимались террасами: на нижней – один, на следующей – два и так далее. Кладка обычно состояла из небольших плоских камней, уложенных с помощью строительного раствора, а щели заделывались обломками. Иногда для строительства использовались крупные глыбы песчаника или возводилось два ряда плетней, промежутки между ними заполняли жидким раствором и тщательно утрамбовывали. Последним методом, получившим название *rise*, получали стены толщиной до пяти-семи футов. Во внешних стенах нижнего этажа имелись только небольшие отверстия, а доступ внутрь обес-

печивался с помощью лестниц (которые при необходимости можно было быстро поднять), а также через люк в крыше. Возможно, весьма сложные мексиканские сооружения пошли именно от схожих с ульями строений, какими являются типичные пуэбло, причем размер ячеек к югу увеличивался. Представляется, что дымовых труб в Северной Америке до установления контактов с европейцами не знали и люк в крыше служил для двух целей одновременно – как вход и как дымоход. Другими формами (некоторые из них общинные, другие нет) являлись следующие: племена тлинкит, хайда и некоторые другие строили прочные квадратные дома со стенами из толстых досок и с украшенными символическими фигурами фронтонами. Прямо перед домом помещался тотемный^{1} шест и рядом мемориальный шест. Размер подобных домов иногда достигал 40 x 100 футов. Они предназначались для нескольких семей. Утверждают, что раньше некоторые дома хайда строили на платформах, поддерживаемых шестами. Некоторые из них, описанные такими мореплавателями, как Ванкувер^{2}, возвышались над землей на 25–30 футов. Доступ в них обеспечивали зазубренные бревна, заменявшие лестницы. У северо-западных племен жилище представляло собой каркас, покрытый циновками или шкурами. Дома калифорнийских племен были четырехугольными или круглыми, последние подразделялись на конические и выполненные в форме купола. Раньше в некоторых частях Калифорнии, а иногда и на внутренних плато строили полу-

подземные, покрытые землей жилища, известные среди май-ду как кумы. Самыми примитивными были жилища индейцев племен пайют и кокопа, летом являвшиеся простыми укрытиями из кустарника, а зимой – из каркасов, сложенных из шестов, собранных вместе на вершине и покрытых корой, травой и землей. Подобные сооружения строили пуэбло ^[3] в качестве временных укрытий, а более сложные дома такого же типа возводились апачами Аризоны. Как установлено археологическими исследованиями, круглые вигвамы со стенами из коры или циновок, в нижней части заброшенные землей и построенные над небольшим углублением в грунте, в доисторические времена были обычной формой жилищ в долинах Огайо и Миссисипи. Другой тип жилищ, используемый в Арканзасе до эпохи Великих географических открытий, – это четырехугольное сооружение с двумя комнатами в передней части и одной в задней. Его стены были сделаны из вертикальных столбов, а на соединявший их своеобразный плетень густо наносилась глина. Если не считать пуэбло, жилища из камня или кирпича-сырца до недавнего времени были неизвестны. Дома таких равнинных племен, как сиу, арапахо, команчи и кайова, обычно были переносными – так называемые типи. Это были шалаши из бизоньих или оленьих шкур, но жилища племен омаха, оседж и некоторых других были более капитальными. Дома племени омаха, как утверждает мисс Флетчер, были «построены путем установки тщательно выбранных и подготовленных шестов

вкруг и связывания их ивняком. Затем их укрепляли сухой травой и всю конструкцию покрывали дерном. Крышу делали таким же способом, при этом она дополнительно поддерживалась внутренним кругом шестов с опорами для поперечных бревен, которые служили балками для куполообразной крыши. Круглое отверстие в центре оставляли для вентиляции и освещения. С внешней стороны к нему приспособивалось некое подобие паруса, чтобы направлять дым и не давать ему отравлять воздух в помещении. Входной коридор обычно располагался с восточной стороны, имел длину от шести до десяти футов и строился таким же образом, как все сооружение». Одним из важных типов жилищ являлась травяная хижина вичита, имевшая куполообразную форму с конической вершиной. Каркас построен из своеобразных панелей, сформированных ребрами и поперечными брусками. Они покрыты травой, как кровлей. Эти травяные хижины имеют диаметр от сорока до пятидесяти футов. Первые дома Флориды были либо круглыми с куполообразной крышей, либо прямоугольными с закругленной крышей, как у племени секотан в Северной Каролине. Каркас состоял из шестов, покрытых корой и иногда тростником. Чиппева строили конические или полукруглые каркасы из шестов и покрывали их корой. Пещеры и укрытия в горах в некоторых местах использовались для жилья. В районах пуэбло дома в первое время строились в естественных углублениях или укрытиях в скалах. Подобные обиталища до сих пор используются та-

рахумаре из Чихуахуа, Мексика. Пещерные дома из нескольких комнат также вырубались на склонах скал из мягких вулканических пород. Их много в долине Верде, Аризона, и на плато Джемес, Нью-Мексико, где скалы буквально усыпаны ими. Как правило, строителями домов, где основным используемым материалом было дерево, выступали женщины, хотя мужчины помогали в более тяжелых работах. В южных штатах вошло в обычай насыпать курганы как фундаменты для зданий советов, жилищ вождей или помещений, предназначенных для общественных целей. Возведение домов, чаще всего капитальных, обычно сопровождалось пышными церемониями, особенно когда подходило время передачи их в общественное пользование. Сооружение хоганов индейцев навахо, к примеру, производилось в строгом соответствии с установленными правилами, так же как и установки типы у равнинных племен, а возведение новых домов в течение года обычно было обставлено большой торжественностью. Хотя лучшие дома были симметричны и имели гармоничные пропорции, строители не знали ни угольника, ни отвеса. Совершенно очевидно, что они не имели также единиц измерений, а даже в самых лучших типах древней каменной кладки пуэбло стыки не были неровными. Индейские названия некоторых из их сооружений – типы, вигвам, хоган – вошли в обиход и широко используются в англоговорящих странах» (бюллетень № 30 Американского этнологического бюро).

Племенные законы и обычаи

До нас дошло очень мало достоверной информации, касающейся социального устройства племен североамериканских индейцев. Основой правления большинства племен было родство, передаваемое как по материнской, так и по отцовской линии, в зависимости от местных условий. Во многих племенах военные и гражданские функции были разграничены. Гражданское управление находилось в руках вождей разных рангов. Эти вожди избирались советом племени и не являлись хорошими военачальниками. Каждая деревня или группа была представлена в общем совете отдельным представителем, которого иногда назначали шаманы. Большим влиянием пользовались тайные общества.

Охота

Охота была практически единственным занятием мужского населения индейских племен. Жизнь людей настолько зависела от результатов охоты, что преследование добычи было доведено до стадии искусства. Что касается торговли, то здесь дело ограничивалось продажей шкур и мехов, но это происходило только в том случае, если личные и племенные потребности в этих товарах были полностью удовлетво-

рены. Когда племя возвращалось из летней охотничьей экспедиции, трофеи справедливо распределялись между членами племени – племенной обычай, которого строго придерживались, – все это сопровождалось соответствующими церемониями и обрядами. В процессе охоты индейцы обычно огораживали определенные участки, загоняли туда добычу и убивали. Ранние исследователи считали, что индейцы поджигали траву в прерии и направляли огонь на охваченные паникой стада животных, но это противоречит понятиям самих индейцев, которые утверждают, что огонь наносит непоправимый вред меху животных. Обычно такой акт, вынуждающий стадо разбежаться, карался смертью. Однако в исключительных случаях к такой практике прибегали, чтобы загнать стадо в лес. В процессе преследования дичи индейцы образовывали круг, не давая ей ускользнуть. Самыми благоприятными месяцами для охоты были июнь, июль и август, когда животные имеют максимальный вес, а их мех приобретает самое высокое качество. Охотнику, убившему животное, племя отдавало шкуру и часть туши, остальное обычно распределялось между жителями деревни. В результате такого метода деления почти не оставалось отходов. Мясо резали длинными тонкими пластинками, сушили на высоких шестах и складывали на зиму. Кожа использовалась для изготовления одежды, щитов и сумок. Канаты, палатки и другие предметы тоже делались из шкур. Тетива для луков и швейные нитки изготавливались из сухожилий, а чаши для пи-

тъя вырезались из крупных костей.

Среди охотничьих методов была и установка всевозможных ловушек, куда заманивали дичь. Индейцы не отказывались и от самого примитивного метода – ловить дичь голыми руками. Охотник в ночи крался за своей добычей, проявляя воистину чудеса ловкости и хитрости, и хватал неосторожную птицу или спящее животное. Индейцы великолепно лазили по деревьям и прекрасно ныряли, а в искусстве мимикрии достигли истинного совершенства. Они незаметно окружали стадо животных и загоняли их в узкое ущелье, откуда те не могли найти выхода. Их острые орудия, сделанные из камня, костей и тростника, использовались с большой сноровкой и оказывались весьма эффективными, во всяком случае при близком контакте. Собаки, хотя их специально не обучали, также оказывали помощь в охоте, особенно при выслеживании более быстроногих диких животных. Огонь обеспечил окончательную победу человека над животным. Добычу выманивали из укрытия дымом или пугали факелом. Широко использовались такие методы, как охота отравленными стрелами и отравление вод ядовитыми корнями для поимки рыбы. Также применялись сети и черпаки для извлечения рыб и животных из воды и грабли для выкапывания из земли червей. После распространения каноэ стали широко использоваться гарпуны.

Изучение привычек животных, как и постройка изгородей, помогало оттачивать охотничье мастерство. Охотникам

приходилось сталкиваться с самыми разными обстоятельствами, что заставляло их подготавливать или изобретать как можно больше оружия и всевозможных ловушек, к которым можно было впоследствии прибегнуть. Охота на тех или иных животных велась в строго определенное время года. Каждое животное служило геральдическим символом какого-нибудь племени.

В «Исторической и статистической информации об индейских племенах» приводится подробный рассказ об индейской охоте. Самой простой дичью для охотника является олень. Как известно, это животное наделено фатальным любопытством, которое вынуждает его прервать бег, чтобы обернуться и посмотреть на потревоживший его объект. Если это происходит на расстоянии ружейного выстрела, эта привычка стоит животному жизни, если же нет, животное убегает.

Одним из самых хитроумных методов охоты на оленя является огненная охота. При этом охотник спускается ночью по реке на каноэ с факелом. В конце весны и летом индейские охотники на маленьких внутренних реках берут кору ильма или кедра длиной пять-шесть футов, содранную целиком, выворачивают ее и внешнюю поверхность окрашивают углем в черный цвет. Затем в ней проделывают отверстие и устанавливают в носовой части каноэ, чтобы спрятать сидящего человека. Факел, сделанный из свернутой березовой коры длиной два-три фута (которая очень легко воспламе-

няется), устанавливается на нос каноэ перед экраном. В таком положении он светит прямо вперед, оставляя все, что позади, в темноте. Олень, следящий глазами за светом, который движется вниз по течению, таким образом оказывается на расстоянии выстрела. Так же охотятся и на лебедей.

Запутанные лесные лабиринты являются охотничьими угодьями индейского охотника. Здесь нет ни одного следа, который был бы ему незнаком. В своих путешествиях в поисках добычи он обычно останавливается на ночлег довольно рано, а с первыми лучами зари уже выходит на охоту. Обитая в лесных районах, он устраивает засады на равнинах по одной простой причине: все животные с приближением ночи сходятся в долины. Индеец всегда очень предусмотрителен и выбирает ту сторону реки, где отбрасываемые тени не мешают иметь четкий обзор всего, что происходит на противоположной стороне, в то время как он сам остается в тени. Он всегда готов прибегнуть к этой предосторожности, особенно если опасается затаившегося врага. Следы животных он читает, словно книгу. Он может с одного взгляда определить, какое животное, когда и куда прошло. Если поверхность земли влажная, следы вполне ясны, если она сухая и каменистая, они менее очевидны, но индейцы их все равно безошибочно читают.

До нас дошло описание дневной работы известного охотника из племени чиппева по имени Нокей. Дело происходило в верховьях Миссисипи. Утверждают, что всего лишь за

один день он сумел убить в устье реки Кроу-Уинг шестнадцать лосей, четырех бизонов, пять оленей, трех медведей, одну рысь и дикобраза. Эти показатели, вне всякого сомнения, были перекрыты в бизоньих районах северо-запада, где, как известно, лук и стрелы применялись весьма успешно и умело. Но в лесистых районах успехи обычно были намного скромнее.

Однажды знаменитый вождь Вабоджиг, живший на берегах озера Верхнего, рано утром отправился устанавливать ловушки для птиц. Установив сорок штук, он возвращался в свой вигвам, вооруженный только томагавком и ножом, и повстречал лося. Он спрятался за деревьями, но это не помогло, и лось начал преследовать человека. Тогда вождь подобрал длинную крепкую палку, развязал мокасины и привязал завязками от них нож к палке. Затем он занял удобную для нападения позицию и нанес зверю несколько ударов в шею и грудь этим импровизированным оружием. В конце концов зверь упал, а вождь вырезал его язык и принес в деревню как доказательство своей доблести.

В 1808 году Гитше Йауба из Кевивенона, озеро Верхнее, убил трехлетнего лося весом триста фунтов. Это было в феврале, снег был мягкий и частично подтаявший, поэтому снегоступы глубоко проваливались при каждом шаге. Разделав животное и слив кровь, он завернул мясо в шкуру, подлез под нее и встал. Обнаружив, что может выдержать такой вес, охотник завернул помет из девяти детенышей в одеяло и

взгромоздил на правое плечо, мешок закинул на голову, а ружье – на левое плечо и с таким грузом прошел шесть миль до своего вигвама. Это был самый сильный человек, известный среди чиппева в свое время.

В 1827 году Аннимикенс с Ред-Ривер (север) однажды был поглощен поиском тропы для прохода своих людей и неожиданно услышал совсем рядом с собой шумное сопение медведя гризли. Индеец моментально схватил ружье и попытался выстрелить, но воспламенения пороха не произошло и выстрела не последовало. Животное сбило человека с ног и отбросило его ружье далеко в сторону. Затем медведь ударил индейца лапой по щеке и вырвал часть ее. Та небольшая часть сознания, которая еще не покинула человека, подсказала ему спасительную тактику – сохранять пассивность и не проявлять признаков жизни. К счастью, зверь был сыт – пообедал лежавшей неподалеку тушей бизона. Он еще немного позабавился с бесчувственной жертвой, потом схватил его за шею, затащил в кусты и там бросил. Индеец был весь изранен, но чудом выздоровел и прожил еще достаточно долго.

Рассказы о приключениях и удивительных случаях на охоте весьма популярны у индейцев и служат для воспитания подрастающего поколения.

Костюм

Чрезвычайно живописный костюм индейца настолько

оригинален, что заслуживает детального описания. В бюллетене № 30 Американского этнологического бюро об индейском костюме сказано следующее:

«Племена Северной Америки принадлежат по большей части к полностью одетым народностям. Исключение составляют обитатели теплых южных регионов Соединенных Штатов и тихоокеанского побережья, которые одеты только частично. Дубленая кожа различных оленей повсеместно служила материалом для изготовления одежды. Кожа бизона использовалась равнинными племенами для изготовления накидок, а люди старшего поколения носили даже платья и ноговицы из этого материала. Однако такая кожа была слишком жесткой для одежды, а кожа лосей и оленей, хотя и мягкая, была слишком толстой. Изделия из коры, меха, шерсти горных овец и перьев изготавливались на севере тихоокеанского побережья, в южных районах и индейцами пуэбло. А среди хопи с древнейших времен было известно хлопчаткачество. Климат, окружающая среда, высота над уровнем моря и океанские течения определяли выбор материала, используемого для изготовления одежды, так же как и требования к самой одежде. Для шитья обычно применялись нитки из сухожилий крупных животных, но использовались также и волокна растений, например агавы. При шитье применяли шила из кости. Костяные иглы использовались редко, поскольку были слишком велики для тонкой работы. У старых мастеров получалось превосходное шитье с примене-

нием одного только шила. В отличие от многих других ремесел швейным делом занимались представители обоих полов, каждый пол обычно шил одежду для себя. Типичная и наиболее привычная одежда индейского мужчины, сделанная из дубленой кожи, состояла из рубахи, коротких штанов, ноговиц, подвязанных к ремню или поясу, и низких мокасин. Рубаха, свободно свисавшая на бедра, имела рукава и надевалась и снималась через голову. Женский костюм отличался от мужского длиной рубахи, которая имела свободные короткие рукава, и отсутствием штанов. Женщины также носили ремни, стягивающие одеяние на талии, накидки из кожи, тканого полотна и перьев, но позже их заменили одеяла. Костюмы в покрое, цвете и богатстве украшений отражали племенные различия. Свободные края обычно окаймлялись бахромой. В качестве украшений или амулетов использовались иглы дикобраза, бусы, раскраска, пряди волос, оставленные на выбритой голове, хвосты животных, перья, когти, копыта, ракушки и т. д. Типичная одежда индейцев пуэбло в общем такая же, как и у равнинных племен, с той разницей, что сделана обычно из тканых материалов.

Среди племен тихоокеанского побережья, а также живущих вдоль мексиканской границы, на берегах Мексиканского залива и Атлантики, обычной одеждой женщин является юбка-бахрома из коры, канат с нанизанными семенами или шкурками пушных зверей вокруг бедер. В определенные времена года или во время специальных занятий носили

только набедренную повязку. Для временного ношения в холодную погоду на плечи набрасывали кожаные накидки или пончо, а в исключительных случаях надевали просторную одежду, сделанную из полосок кроличьей кожи. Церемониальный костюм был значительно более сложным, чем предназначенный для повседневной носки. Мокасины и ноговицы носили на всей территории, но в южной части Калифорнии их применение было необычным. Некоторые племена, живущие вдоль мексиканской границы, носили сандалии, а раньше носящие сандалии племена располагались далеко на юго-запад. Сандалии также находили в пещерах Кентукки. Шапки, обычно плетеные, использовали многие племена тихоокеанского побережья. Эскимосы и другие северные племена носили варежки. Ремни из самых разнообразных материалов и по-разному украшенные не только поддерживали одежду – к ним также крепились небольшие сумки и мешочки. Мешки более крупных размеров, сумки для трубок, сделанные из меха или оленьей кожи, и т. д. навешивали на плечи. Ожерелья, серьги, амулеты и браслеты являлись частью костюма, так же как и повязки на запястья для защиты рук при отдаче тетивы.

Вскоре после пришествия белых индейский костюм претерпел на всей территории Америки существенные изменения, связанные с копированием европейского платья и развитием торговли. Знания о доисторических и ранних, примитивных текстильных изделиях были получены из впечат-

лений от гончарных изделий и от самих тканей, которые сохранялись путем обжига на огне, контакта с медью и защищались от атмосферных воздействий в пещерах.

Далее приводится синопсис описания костюмов, которые носили индейские племена Северной Америки. Список, конечно, не полон, поскольку по причине отказа от племенных костюмов информация в основном является исторической.

Маккензи и Юкон. Атапаски. Мужчины: рубаха-куртка, ноговицы, мокасины, набедренная повязка, шапка и капюшон. Женщины: длинная рубаха-платье, ноговицы, мокасины, пояс.

Алгонкины – ирокезы. Север. Мужчины: широкая накидка, короткая рубаха-куртка, длинная рубаха, штаны, ноговицы, мокасины, набедренная повязка, головной убор. *Вирджиния.* Мужчины и женщины: плащ, набедренная повязка, мокасины, короткие штаны, сандалии. *Запад.* Мужчины: широкая накидка, длинное платье-рубаха, длинные ноговицы, мокасины, патронташ. Женщины: длинное платье-рубаха, короткие ноговицы, мокасины, ремень. *Арктика.* Мужчины: длинная верхняя рубаха с распахнутыми полами, короткие штаны, ноговицы, мокасины, перчатки или варежки, головной убор. Женщины: широкая накидка, платье-рубаха, ноговицы, мокасины, ремень, шапка.

Южные племена – мускоги. Семинолы. Мужчины: рубаха, верхняя рубаха, ноговицы, мокасины, набедренная повязка,

ремень, головной убор. Раньше племена Мексиканского залива носили широкую накидку, набедренную повязку и иногда мокасины.

Равнинные племена. Мужчины: широкая накидка из кожи бизона, рубаха до колен или длиннее, набедренная повязка, длинные ноговицы, мокасины, нарядный головной убор.

Север тихоокеанского побережья. Чилкат. Мужчины: одеяло или плотная широкая мантия из коры, ноговицы, мокасины, плетеная шляпа. Женщины: накидка на плечи из дубленой кожи, рубаха-платье с рукавами, передник с бахромой, ноговицы (?), мокасины, набедренная повязка (?).

Вашингтон, Колумбия. Селши. Мужчины: накидка, повязка на голову, рубаха-куртка, ноговицы, мокасины, набедренная повязка. Женщины: длинная рубаха-платье, передник и редко ноговицы, набедренная повязка, мокасины.

Шошоны. То же, что и равнинные племена.

Калифорния – Орегон. Гуна. Мужчины: широкая накидка и набедренная повязка, мокасины (редко). Мужчины, главным образом пожилые, часто ходили совершенно обнаженными. Женщины: набедренная повязка и узкий передник, временами накидка на плечи или пелерина, обвязанная вокруг туловища и прикрывающая грудь, плетеная шляпа, иногда мокасины.

Центральная Калифорния. Мужчины: обычно обнаженные, иногда – широкая накидка, мокасины, короткие штаны. Женщины: короткая юбка из растительных волокон или

оленьей кожи, плетеная шляпа. Иногда – широкая накидка и мокасины.

Юго-запад. Пуэбло. Мужчины: одеяло или накидка из кроличьих шкурок или перьев, рубаха с рукавами, короткие штаны, набедренная повязка, ноговицы до колен, мокасины, головная повязка, лента для волос. Женщины: одеяло, закрепленное на одном плече, спускающееся до колен, небольшой ситцевый платок, наброшенный на плечи поверх одеяла, ноговицы, мокасины, пояс. Раньше в этом районе носили сандалии. Зимой иногда носят мокасины из меха. *Апачи.* Мужчины: одежда та же, что и у равнинных племен. Женщины: то же, кроме ноговиц-мокасин с защищенным носком. *Навахо.* Сейчас – как пуэбло, раньше – как равнинные племена.

Гила-Сонора. Кокона и мохаве. Мужчины: набедренная повязка, сандалии, иногда головная повязка. Женщины: набедренная повязка из коры, обычно в виде бахромы. *Пима.* Одежда та же, что у равнинных племен. Раньше – хлопковая накидка, набедренная повязка и сандалии».

Нанесение раскраски на лицо

Вопрос о том, как индейцы раскрашивают лица, представляет несомненный интерес. Далее приведен рассказ Дж. Г. Кола, долгое время прожившего в племени сиу и написавшего труд «Кичигами».

«Каждый день, если была возможность, я рисовал их лица и в конце концов оказался обладателем коллекции, разнообразие которой удивило даже меня. Причудливые картинка калейдоскопа блекнут, если сравнить их с воображением индейца, изображающего нечто совершенно особенное на своем лбу, щеках, носу. Я постараюсь описать увиденное, но не уверен, что в моем лексиконе хватит для этого слов. Две вещи поразили меня больше всего. Во-первых, факт, что индейцы, казалось, вовсе не беспокоятся о том, что сама природа разделила человеческое лицо на отдельные части, а во-вторых, смесь грациозности и гротеска. Правда, иногда они все же принимают во внимание части своего лица – нос, рот, глаза. Они рисуют вокруг глаз цветные круги, проводят желтые или черные полосы на равных расстояниях от рта, на щеках изображают полукружия зеленых точек с ушами в центре. Временами на лбу проводятся полосы, параллельные естественным линиям лица, и раскрашенное таким образом лицо продолжает напоминать человеческое, поскольку основные его черты остались неизменными. Однако обычно такая раскраска не удовлетворяет вкусам индейцев. Они любят контрасты и обычно разделяют лицо на две половины, которые делают совершенно разными. Одна становится темной, к примеру черной или синей, а другая светлой – желтой, белой, ярко-красной. Одна будет пересечена толстыми линиями, проведенными указательными пальцами, а другая причудливо изукрашена тонкими мазками кисти.

Такое разделение производится двумя разными способами. «Демаркационная» линия иногда идет от носа вниз, так что правая щека и вся сторона лица погружена в темноту, а левая напоминает цветочную клумбу на солнце. Иногда они проводят линию поперек носа, и тогда глаза блестят на черном фоне, а все, что ниже носа, сверкает яркими красками. Создается впечатление, что индейцы хотят представить на своих лицах разные фазы Луны. Я часто спрашивал о значении подобной раскраски, но неизменно получал заверения, что это всего лишь вопрос личного вкуса. Это были просто арабески, как и рисунки их скво на мокасинах, кисетах, поясах и т. д.

И все же в использовании цветов определенно есть некий символизм. Красный обычно символизирует радость, праздник, а черный – траур. Когда умирает близкий человек, они берут горсть угля и покрывают черным все лицо. Если умерший – дальний родственник, лицо покрывается только черными линиями. У индейцев есть также своеобразный полутраур – тогда черным цветом окрашивается только половина лица. Красный – не только цвет радости, но и вообще любимый цвет индейцев. Они обычно покрывают лица слоем ярко-красной краски, поверх которой наносятся другие цвета. Для этой цели используется вермильон, доставляемый из Китая и всегда имеющийся в наличии у торговцев. Однако этот красный цвет ни в коем случае не является строго обязательным. Довольно часто основной цвет ярко-желтый –

краситель желтый крон тоже можно приобрести у торговцев.

Индейцы также весьма пристрастны к берлинской лазури и применяют этот краситель не только на лицах, но и, как символ мира, на трубках и, как цвет неба, на могилах. Кстати, очень любопытно, что вряд ли хотя бы один индеец может отличить голубой цвет от зеленого. Я видел небо, которое они изображают на могилах в виде круглой арки, и того и другого цвета. На языке сиу *toya* означает и зеленый, и синий цвет, а один много путешествующий иезуит рассказал мне, что подобная путаница существует во многих индейских племенах. Мне всегда говорили, что у племен имеются любимые цвета, и я склонен этому верить, хотя не сумел обнаружить доказательств этого утверждения. В общем, все индейцы очень бережно относятся к своей медной коже и усиливают ее цвет вермильоном, если она кажется им недостаточно красной.

Во время предпринятого мною путешествия по землям сиу я обнаружил, что существует определенный национальный стиль в раскраске. Рассказывали об одном бедном индейце, который сошел с ума, и, когда я спросил его соплеменника, как у несчастного проявлялось безумие, тот ответил:

– Ах, он очень забавно украсил себя раковинами и перьями, а лицо свое разрисовал так, что мы все едва не умерли со смеху.

Это было сказано человеком, настолько перегруженным

перьями, ракушками, вермильоном, берлинской лазурью и желтым коном, что я с большим трудом удержался от улыбки. Но из этого я сделал вывод, что, должно быть, все же существуют какие-то привычные, типичные стили окрашивания, которые нельзя нарушить».

Индийское искусство

Если раса североамериканских аборигенов и не дала миру высокохудожественных произведений, она, безусловно, сумела создать собственное, ни на что не похожее, особое искусство. Некоторые из рисунков южных племен на стенах каменных сооружений, а также геральдические и религиозные символы, нанесенные на крытых кожей вигвамах равнинных племен, весьма замысловаты по содержанию и выполнены в ярких красках. Дома северо-западных прибрежных племен, построенные целиком из дерева, поддерживаются столбами, украшенными затейливой резьбой, изображающей тотемный или племенной символ владельца. На стенах, как наружных, так и внутренних, были обнаружены изображения сцен из индейской мифологии.

Украшение гончарных изделий в большинстве племен Северной Америки обычно осуществлялось и резьбой, и штамповкой. Особенных успехов индейцы достигли в резьбе. Многие индейские резные предметы являются весьма причудливыми и тонко выполненными, а некоторые работы на

каменных трубках, масках и предметах домашнего обихода и украшениях получили высшую оценку европейских ценителей. И действительно, многие трубки и резьба по аргиллиту ванкуверских племен чимпзей и клаллам, а также чиппева и бабин, вне всякого сомнения, превосходят все образцы европейской средневековой резьбы.

Индейцы нередко проявляли тонкий вкус в гончарном деле, а племена, жившие в долине Миссисипи, и индейцы пуэбло были искусными штукатурами. Как уже упоминалось, строители курганов хорошо знали металлообработку, а чеканные медные пластины, извлеченные из земляных пирамид, показывают, что искусство индейцев является результатом упорного труда на протяжении веков и сформировалось не вчера.

Также индейцы весьма искусны в ткачестве, швейном деле, изготовлении всевозможных бус и изделий из перьев. Большинство их изделий в плане являются геометрическими фигурами. Особенно преуспели американские аборигены в изготовлении изделий из перьев. У равнинных племен ранг определялся или разнообразием носимых перьев, или способом их крепления и подрезки.

Искусство аборигенов Северной Америки в высшей степени символично и опирается на мифологию. В нем нет ни капли материализма, и, если бы оно продолжало развиваться собственным самобытным путем, получилось бы нечто в высшей степени идеалистичное.

Война

Индейцы всегда демонстрировали большое искусство партизанской войны. Вооруженные луком и стрелами, дубинками или томагавками, они оказывали яростное сопротивление нашествию белых людей. Это оружие было мастерски сделано и максимально приспособлено для методов борьбы, предпочитаемых его владельцем. Но, войдя в более близкий контакт с белыми, туземцы начали стремиться к добыванию огнестрельного оружия и пороха, стальных ножей и топоров. Индейцы прекрасно обходились своими собственными инструментами войны, но, получив в результате набегов на лагеря противников новое оружие, стали учиться пользоваться им. Порох сначала показался им настолько таинственным веществом, что они наделили его репродуктивными свойствами и посадили в землю, надеясь, что он даст урожай, который обеспечит их будущие потребности. Нападая на поселенцев, они использовали весьма хитроумные приспособления, чтобы заманить их в ловушки и засады. Эти методы первоначально оказались очень эффективными против белых, не знавших индейских военных хитростей. Однако довольно скоро поселенцы научились действовать такими же методами. Индеец легко имитирует крик дикого гуся, чтобы заманить белого охотника в лес и там наброситься на него. Зимой индеец поворачивал снегоступы об-

ратной стороной, чтобы белые приняли передвижение противника за отступление. Индейские шпионы нередко покрывали себя ветками, чтобы приобрести сходство с кустарником. Иногда они приходили к белым, демонстрируя все признаки открытости и дружелюбия, но только чтобы совершить тот или иной акт предательства. Поселенцы строили специальные блокгаузы, чтобы защитить себя от ночных сюрпризов индейцев, куда помещали в случае опасности женщин и детей. Постепенно упорство белых людей и падение уровня рождаемости у индейцев создало новую ситуацию. Вытесняемые из одной части страны в другую, вынужденные жить, охотиться и обрабатывать землю на ограниченной территории, индейцы частично утратили агрессивность к белым, к которым с момента их появления на континенте относились с подозрительностью и враждебностью.

Хотя методы ведения военных действий в разных племенах были различны, общую схему операций обычно диктовал совет вождей, в руках которого также находилось заключение мира и объявление войны. Кампанию обычно предваряли многочисленные яркие и эмоциональные публичные выступления лидеров, дававших воинам соответствующий настрой против врагов. Затем следовала церемония военного танца. Образовав круг, воины выполняли своеобразные шаркающие движения, периодически медленно двигаясь по кругу с жестами, определенно подражающими птице или животному (возможно, личному тотему или тотему племени),

одновременно рыча, ворча или щелкая. Эта церемония всегда выполнялась в полной боевой раскраске и в перьях. После этого воины выходили на тропу войны. Если кампания проводилась в лесистой местности, они двигались в один ряд (отсюда пошло выражение «индейский ряд»). При этом они внимательно смотрели по сторонам, чтобы не попасть в засаду. Малейший звук, пусть даже это был слабый хруст ветки, и отряд замирал. Постоянно настороже, в высшей степени подозрительные, с натянутыми, как тетива лука, нервами, индейцы двигались настолько осторожно, что застать их врасплох было практически невозможно. Если воин по какой-то причине отстал от остальных и подвергся нападению и был смертельно ранен, он считал своим долгом ради безопасности товарищей издать пронзительный крик, разносившийся далеко по лесу, чтобы предупредить отряд об опасности. Он назывался «крик смерти».

Когда кампания проводилась в прерии или на открытой местности, обычно применялся метод ночных атак. Если же он по какой-то причине оказывался невозможным, вокруг места, которому предстояло подвергнуться нападению, индейцы образовывали большой круг, который постепенно сужался. Воины долго ползли в высокой траве и, только оказавшись достаточно близко, вскакивали и бросались на форт или лагерь, выкрикивая боевые кличи. Если ожидалась упорная оборона с применением огнестрельного оружия, воины окружали объект атаки верхом, при малейшей возмож-

ности разя защитников стрелами и пулями. Ворвавшись в лагерь противника, индейский воин никогда не просил пощады, но и сам не щадил никого, во всяком случае, это касалось мужской части населения. Их убивали и скальпировали. Последний весьма кровавый процесс выполнялся следующим образом: воин становился коленями на плечи врага, быстро описывал острым ножом круг в центре головы жертвы и отделял скальп.

В «Исторической и статистической информации, касающейся индейских племен» о ведении индейцами военных действий сказано следующее:

«Успех в войне для индейца – кульминация славы, и он больше всего на свете стремится овладеть искусством войны. Мальчики и юноши в раннем возрасте овладевают правилами танца войны. И хотя им не разрешается становиться в заветный круг, пока они не присоединятся к числу настоящих воинов, все же юноши изучают отдельные движения и жесты. Заветное перо орла является призом. Он дается индейцу за талант, выносливость, отвагу, соблюдение постов и обрядов.

На тропу войны индейцы выходят в довольно раннем возрасте. Для сравнения таким возрастом можно считать шестнадцать лет. Но независимо от точного возраста это всегда происходит после первого поста, во время которого юноша выбирает своего личного покровителя – монедо, когда он берет на себя обязанности мужчины. В этот период он берет одеяло с тремя острыми углами – тогу североамериканского

индейца.

В наших индейских сообществах вся сила общественного мнения концентрируется вокруг этого пункта. Все начинается с домашнего обучения – рассказов о приключениях знаменитых воинов. После этого следуют танцы, религиозные церемонии, выступления артистов, в общем, делается все, чтобы пробудить и разжечь амбиции в уме дикаря, внушить ему идею о будущих победах на войне.

С раннего возраста индеец усваивает: для него самая высокая честь – триумф на тропе войны, нападение на врага, снятие скальпа с его кровоточащей головы, издание страшного *саса-куон* – «крика смерти». За это ему будет позволено носить на голове почетное перо орла – короля плотоядных птиц. Получение пера означает публичное признание его заслуг своим племенем и соседскими, имеющими схожие обычаи.

Когда снят скальп врага, прилагаются серьезные усилия для того, чтобы выставить его на всеобщее обозрение. Для этой цели его натягивают на обод и поднимают на высокий шест. Внутренняя часть окрашивается в красный цвет, а волосы должны свисать естественным образом. Если скальп принадлежит мужчине, чтобы подчеркнуть этот факт, к нему крепится орлиное перо. Если скальп женский, рядом подвешиваются ножницы или расческа. В таком виде он передается пожилой женщине, которая носит его и танцует танец скальпа, произнося оскорбительные эпитеты в адрес племе-

ни, откуда он был взят. Среди всеобщего ликования звучит боевой клич, и общее мнение всех членов племени, и молодых и старых, формулируется следующим образом: «Так будет с нашими врагами».

Перо орла – высший почетный знак отличия, который может носить воин, поэтому за него иногда выкладывают внушительные суммы. Известно, например, что за такое перо была выплачена стоимость лошади. Важно отметить способ подрезки и ношения пера.

Уровень почестей в разных племенах может быть разным, но основные черты одинаковы. В племенах дакота орлиное перо с красной точкой означает, что его носитель убил врага. Вырезанная на нем зазубрина и окрашивание краев пера в красный цвет означает, что воин перерезал врагу горло. Маленькие последовательные зазубрины на передней стороне пера без краски означают, что его носитель – третье лицо, касавшееся мертвого тела. Если оба края с зазубринами – он четвертое лицо, касавшееся мертвого тела, а если перо частично голое – пятое лицо, касавшееся убитого.

На одеяле или шкуре бизона, которую носит индеец дакота, часто можно видеть изображение красной или черной руки. Красная рука означает, что носитель был ранен врагом, черная – что он убил врага.

Воинственное племя чиппева в истоках Миссисипи вручает удачливому воину, убившему и скальпировавшему врага, три пера, а за более опасное действие – взятие раненого

пленного на поле боя – пять. Считается, что раненый противник пребывает в отчаянии и копит силы для последнего акта мести – все равно через минуту он умрет. Те члены отряда, которые подошли к нему сразу и нанесли удар, чтобы обогреть свое оружие кровью, получают два пера. Поэтому все, кто могут, так и поступают. Даже тот, кто входил в военный отряд и только видел сражение, хотя и не мог похвастаться кровавыми метками, и даже не был достаточно проворен, чтобы следовать вплотную за своим командиром, получал одно перо. Эти почетные знаки вручаются публично, никто не осмеливается взять их по собственной инициативе. Бывали случаи, когда присвоенные незаслуженно перья при всем честном народе срывались с голов провинившихся. Однако индейцы никогда не винят друг друга в проявлении робости или трусости на тропе войны, надеясь, что таким образом побуждают молодого человека в следующий раз постараться показать себя лучше.

Все военные отряды состоят из добровольцев. Предводитель, набирающий отряд, должен иметь репутацию воина и лидера. На собраниях индейцев он зовет их принять участие в предварительном военном танце, призывая к храбрости и патриотизму. Его призывы кратки и по существу. Он особенно заботится, чтобы все думали, что он действует под руководством Великого Духа, который поведал ему свои секреты, являясь в сновидениях или во время обрядов.

Принципы «призыва» хорошо сохранились. Для этой це-

ли предводитель, предлагающий вывести отряд на тропу войны, берет в руки дубинку, смазанную вермильоном, символизирующим кровь, и начинает военную песню. Я имел возможность наблюдать такие сцены несколько раз. Песни довольно коротки, они воспевают героические подвиги, призывают проявить патриотический и военный энтузиазм. Они сопровождаются барабанным боем, трещоткой и голосом одного или нескольких хористов. Песни повторяются медленно, напыщенно, в строгом ритме. Воин топает по земле, словно собирается сотрясти основы вселенной. Язык его песни очень образен, он упоминает движение облаков, полет хищных птиц и влияние посланцев духов, словно некая часть пространства находится полностью в его власти. Воин воображает, что его голос слышен в облаках, и, печатая шаг в отлично изображенном гневе, он воображает, что хватает руками «круг неба». Каждые несколько минут он резко останавливается, прекращая движение по кругу, и издает пронзительный боевой клич.

Нужно обладать очень большой выдержкой и хладнокровием, чтобы остаться безучастным, слыша эти призывы. Фразы следуют друг за другом со стремительностью горного потока. Все они вызывают мысли о героизме, сильной воле и горячем энтузиазме.

Услышьте мой голос, вы, воинственные птицы!
Я готовлю пиршество для вас, где вы сможете

вдоволь поживиться.

Я вижу, как вы пересекаете линии врага,

Как и я скоро сделаю.

Я бы хотел обладать быстротой ваших крыльев.

Я бы хотел обладать силой ваших когтей.

Я собираю товарищей,

Я следую за вашим полетом.

Эй, вы, молодые люди, желающие стать воинами.

Взгляните с гневом на поле боя.

Каждый воин, который встает и присоединяется к танцу, становится добровольцем будущего похода. Он вооружается и снаряжается сам, заботится о своем пропитании. Когда он входит в круг и начинает танцевать, он заводит свою военную песню, которую встречают шумными одобрительными возгласами. Подобные церемонии, по сути, и являются «призывом». Ни один молодой человек, вошедший в круг, не может выйти из него, сохранив честное имя.

Основные мысли следующей песни были изложены прославленным Вабоджигом, командиром чиппева, после победы над объединенными силами сиу, сауков и фокс (лис) в районе Сен-Круа. Это произошло во второй половине XVII века.

I

Услышите мой голос, вы, герои!

В тот день, когда наши воины

С криками набросятся на трусливого врага.

Мечь сжигает мое сердце
И желание уничтожить трусливую
и предательскую породу. Берегитесь, буйны, лисы,
сауки!

II

Моя грудь окрасилась кровью!
Смотрите, вот мои боевые шрамы.
Вы, горы, содрогнитесь от моего крика!
Я бьюсь за жизнь.

III

Но кто мои враги? Они умрут,
Побегут по равнине, словно лисы,
Они будут дрожать, как лист на ветру.
Презренные собаки!
Они поджаривают
наших сыновей на огне!

IV

Мы проведем пять зим на охоте,
Оплакивая наших погибших,
Пока наши мальчики не станут мужчинами,
Готовыми выйти на тропу войны,
Мы закончим свои дни, как наши отцы.

V

Вы, мертвые, благородные воины, вы ушли,
Мой брат, мой спутник, мой друг,
На тропу смерти, куда уходят храбрецы.
Но мы остались жить, пока не отомстим за вас
И умрем, как наши предки.

В 1824 году воин чиппева с озера Верхнего, спел мне следующие военные песни, созданные во время войны между племенами чиппева и дакота:

I

Они летят с юга, хищные птицы,
И, пролетая, кричат «App!».

II

Я хотел бы иметь тело самой яростной птицы,
Такое же быстрое, жестокое, сильное.

III

Я подвергаю свое тело случайностям войны,
Я рад пасть на поле боя
За линиями врага.

Индийская жена и мать

Если говорить об общих условиях существования женщин у североамериканских индейцев, они исключительно благоприятны. Как и у многих варварских народов, на женщин ложится основная тяжесть работ по дому. Но в большинстве случаев бремя снабжения продовольствием возлагается на мужчин, которые часто вынуждены пускаться в длительные и утомительные экспедиции в поисках провианта. Все земледельческие работы неизменно выполняются женщинами. Однако на самых доступных территориях Северной Америки земледельческая практика постепенно прекращается, и индейцы привыкают полагаться на снабжение зерновыми культурами из внешних источников.

Индийские женщины в высшей степени искусны в ткачестве. В южных регионах женщины хопи с незапамятных времен изготавливали хлопковую одежду.

В разных племенах институт брака в значительной степени зависит от системы тотемизма, обычая, который будет подробно описан в главе, касающейся мифологии индейцев. Эта система накладывает табу на браки между членами одного и того же клана или другого подразделения племени. Что же касается непосредственно церемонии, в разных племенах она также различна. Среди равнинных индейцев полигамия была вполне обычной, а самой существенной частью

церемонии было подношение даров отцу невесты. В некоторых племенах муж обладал абсолютной властью, и в разводе не было ничего необычного. Другие равнинные племена были свободны от системы купли-продажи, и учитывались пожелания самих женщин. К востоку от Миссисипи ирокезы, алгонкины (кроме севера и запада) и мускоги сохранили передачу имени и собственности по женской линии. Браку у этих народов предшествует обмен подарками. У гуронов союзы между членами племени устраивал совет матерей. В целом почти на всем континенте преобладала моногамия, но к брачным узам отношение было довольно свободным.

Жизнь индейских детей

Одной из самых привлекательных черт индейцев считается большая привязанность к детям и забота о них. Как утверждают люди, долгое время изучавшие индейские нравы и обычаи, «в отношении родителей к детям проявляются лучшие черты характера индейцев». К тому же из-за антисанитарии очень высока детская смертность. Отец готовит для младенца деревянную колыбель, которая должна служить его переносной постелью, пока малыш не начнет ходить. *Papoose* сначала получает младенческое имя, а уже потом другое – нареченное, сопровождающее индейца всю оставшуюся жизнь. Дети обоих полов имеют игры и игрушки. Мальчики забавляются катанием на лошадях и меткой

стрельбой, а девочки играют в куклы и в дочки-матери. В теплое время года дети проводят почти весь день, плескаясь и плавая в воде. Они очень любят животных, особенно щенков, которых часто пеленают и носят на спинах, как детей. В некоторых племенах детям во время определенных церемоний дают в качестве кукол маленькие фигурки божков, прививая им, таким образом, с малолетства священные традиции своего народа. Было бы ошибкой считать, что индейский ребенок растет без надзора взрослых. Правда, индейцы воздействуют на своих детей по большей части морально, почти не прибегая к телесным наказаниям. Между собой дети общаются достаточно мирно, не зная драк и ссор.

В возрасте пятнадцати лет индейский мальчик проводит в одиночестве пост, во время которого его дух-покровитель должен открыть ему будущую карьеру. Девочка подвергается аналогичному испытанию в возрасте тринадцати лет. Это означает, что она вступила из детства в пору женственности.

Приключения с тотемом

Рассказ о молодом индейце, увидевшем свой тотем, повествует о том, что отец парня послал его на вершину горы, чтобы найти Утонаган – женского духа-хранителя его предков. В полдень, прибыв к горе, он услышал завывание тотемного духа и начал подниматься по склону. Мальчику было очень страшно, потому что звуки становились громче. Он за-

лез на дерево, но все равно слышал крики и свист духа в ветвях, расположенных ниже. Страх овладел им настолько, что он бросился бежать. Утонаган последовала за ним. Она догоняла его, завывая так, что у несчастного подгибались колени, и он не мог заставить себя оглянуться. Потом он вспомнил об одном из духов-хранителей и, ощутив прилив свежих сил, оставил преследователя далеко позади. Мальчик отбросил в сторону свое одеяло. Утонаган нашла его, обнюхала и возобновила преследование. Мальчик подумал о своем духе-хранителе волке и снова ощутил прилив сил. Все еще охваченный ужасом, он рискнул оглянуться. Утонаган догоняла его волчьими прыжками. Он подумал о духе-хранителе волчице и опять прибавил скорости. В конце концов, выбившись из сил, он в полубморочном состоянии свалился на землю и крепко уснул. Сквозь пелену сна он увидел духа в обличье волчицы. Она проговорила: «Я – та, кого твоя семья и индейцы твоего племени называют Утонаган. Ты мне нравишься. Посмотри на меня, индеец!» Мальчик взглянул и лишился страха. Когда он проснулся, солнце уже было высоко в небе. Он умылся в ручье и пошел домой.

Пост индейской девочки

Другая история повествует о посте индианки. Катрин Вабоуз, когда ей исполнилось тринадцать лет, покинула вигвам матери и построила маленький для себя. После четырех-

дневного поста к ней пришла мать и дала попить немного талой воды. Накануне шестого дня, когда девочка все еще постилась, она услышала божественный голос, который предложил ей пойти по сверкающей тропе, ведущей вперед и вверх. Там она сначала встретила «вечно стоящую женщину», которая дала ей божественное имя. Затем она встретила «дух маленького человека», который сообщил ей, что его имя станет именем ее первого сына. После этого к ней обратилось «яркое голубое небо» и наделило ее даром жизни. Потом ее окружили яркие точки света и острые безболезненные инструменты, но, забравшись на животное, похожее на рыбу, она поплыла по воздуху в свой вигвам. На шестой день видение повторилось. На седьмой день ей дали поесть немного дробленой кукурузы в талой воде. На седьмой день она увидела большой круглый предмет, похожий на камень, который опустился с неба и вошел в вигвам. Он наделил ее даром пророчества, и, вернувшись к племени, она стала прорицательницей.

Понятно, что психика этих несчастных детей подверглась временному расстройству из-за продолжительных постов, которых они были вынуждены придерживаться.

Рисуночное письмо

Большинство североамериканских племен создали и развили примитивную систему рисуночного письма. Она состо-

яла по большей части из изображений естественных объектов, соединенных символами, имеющими произвольное или установленное значение. Таким образом, система была и идеографической, и пиктографической, то есть она представляла в какой-то степени абстрактные идеи, так же как и конкретные объекты. Такие письма содержали так много произвольных обозначений и так много символов, имеющих разное значение при разных обстоятельствах, что понять их – задача очень сложная. Они обычно использовались при составлении календарей, и иногда записи о племени сохранились именно благодаря им.

Вероятно, самый известный образец индейских письменных документов – это «Зимнее повествование одинокой собаки» племени дакота. Предполагается, что первоначально он был нарисован на коже бизона. Это хроника семидесяти одного года жизни, считая с начала XIX века. Аналогичными хрониками считаются «Валам Олум» алгонкинского народа лениленапе, а также календарная история кайова. Первая состоит из нескольких серий, одна из которых описывает действия племен до появления европейских колонистов в начале XVII века. Мы обращаемся к отрывку из «Валам Олум» как к образцу истинно туземного сочинительства.

«После того как бегущие воды пошли на убыль, ленапе – черепахи были все вместе, они вместе жили в пустых домах. Там, где они живут, мороз; идет снег, где они живут; дует

ветер, где они живут; холодно, где они живут.

В этом северном месте с удовольствием говорят о приветливых прохладных землях, где много бизонов и оленей.

Когда они путешествовали, одни были сильными, другие богатыми, они разделились на охотников и строителей домов.

Самыми сильными, самыми объединенными и самыми чистыми были охотники.

Охотники показали себя на севере, востоке, юге и западе.

В той древней стране, в той северной стране, в той стране Черепахи, лучшие из ленапе были черепахами. (Очевидно, имеются в виду люди с тотемом-черепахой.)

Все домашние очаги в этой стране были потревожены, и все сказали шаману: «Уходим».

На землю Змеи, на восток, они шли и, уходя, искренне горевали.

Расколосась на куски, слабая и дрожащая их земля сгорела, а они, усталые и искалеченные, ушли на остров Змеи.

Те, кто с севера были свободны, без заботы, разошлись из страны снегов в разных направлениях.

Отцы Смелого Орла и Белого Волка остались у моря, полного силой и рыбой.

Плывя по рекам на своих каноэ, наши отцы были богаты, когда они были на этих островах, они были на свету.

Главный Бобр и Большая Птица сказали: «Давайте пойдём на остров Змеи», – они сказали.

Все говорят, они пойдут, чтобы уничтожить всю землю.
Те, кто с севера, согласились,
Те, кто с востока, согласились,
Над водой, замерзшим морем,
Они шли, чтобы наслаждаться.

По чудесной скользкой воде,
По твердой, словно камень, воде все шли,
По великому приливному морю, сильному морю.

Десять тысяч ночью,
Все в одну ночь,
На остров Змеи, на восток, ночью,
Они идут и идут, все они.

Люди с севера, востока, юга,
Клан Орла, клан Бобра, клан Волка,
Лучшие люди, богатые люди, главные люди,
С женами, дочерьми, собаками.

Они все приходят, они останавливаются на земле
высоких елей,
Те, что с востока, приходят с сомнениями,
Высоко ценя свой старый дом на земле Черепахи.

Не было дождя, и не было кукурузы, поэтому они пошли дальше к морю. Среди пещер на земле Бизонов они наконец имели еду на красивой равнине».

Современное образование и культура

После создания правительства Соединенных Штатов некоторые религиозные и светские организации занялись образованием и просвещением аборигенов. До 1870 года вся помощь государства проходила через руки миссионеров, но в 1775 году конгрессом США был создан специальный комитет по делам индейцев, который выделял фонды для поддержки индейских студентов в колледжах Дартмута и Принстона. Для индейцев создавались дневные школы, целью которых было привить аборигенам социальные манеры и этические принципы белых, чтобы сделать возможным совместное сосуществование. Из школы, созданной капитаном Р.Х. Праггом в Карлайле для обучения индейских мальчиков и девочек, вышло много полезных членов общества. Около сотни студентов получило высшее образование в институте Хэмптона. Позднее существовали 253 государственные школы для обучения индейских детей, на которые расходо-

валось более пяти миллионов долларов в год. Если изучить список культурных индейских мужчин и женщин, посещавших в них занятия, станет ясно, что усилия правительства Соединенных Штатов в этом направлении увенчались блестящим успехом. Многие из получивших начальные знания индейцев продолжили образование и достигли высоких результатов в самых различных областях.

Глава 2

Мифология

североамериканских индейцев

Анимизм

Все мифологические системы происходят от одного и того же фундаментального базиса. Боги – порождение необходимости и объекты глубочайшего почитания. Их генеалогия уходит в далекое прошлое. Дикари, не имеющие возможности различить предметы живой и неживой природы, наделяли все окружающие их объекты, по собственному подобию, даром жизни. Деревья, ветра, река (которую они называли «Длинная Особа») – все в их глазах было живым и обладало сознанием. Деревья стонут и шелестят, а значит, говорят или, возможно, являются обиталищами могущественных духов. Ветра свистят, вздыхают, предупреждают, угрожают, в общем, издают звуки, без сомнения свидетельствующие о существовании неких подвижных сил, дружественных или враждебных человеку существ. Вода двигается, жестикулирует, пророчествует, как, например, перуанские Римак и Апуримак – «Оракулы», «Пророки». Даже абстракт-

ные качества наделялись свойствами живых существ. Свет и тьма, жара и холод считались активными и весьма бдительными силами. Небо рассматривалось как Отец всего существующего, от сотрудничества которого с Матерью Землей произошли все живые существа. Такое верование называется анимизмом.

Тотемизм

Если неживые предметы и явления природы наделялись воображением дикарей способностью жить и мыслить, представители животного мира занимали более высокую степень. Индеец, постоянно контактировавший с обитателями леса и прерии, имел очень высокое мнение об их качествах и подсознательных возможностях. Он видел, что они обладают большей ловкостью в охоте, чем он сам, что их охотничий инстинкт выражен значительно сильнее, чем у человека, что они редко страдают от нехватки пищи и очень быстроноги. Короче говоря, индеец считал, что представители животного мира стоят выше его в части тех качеств, к которым он стремился и которыми искренне восхищался. Разные человеческие характеристики персонифицировались и преувеличивались в некоторых соседях человека в лесу и на равнине. Лиса была воплощением ловкости, дикая кошка – хитрости, медведь – упрямства и глупости, сова – тайной мудрости, олень – быстроты. В каждом из этих качеств животные, ими

обладавшие, представлялись дикарю более одаренными, чем он сам. Это кажущееся превосходство производило на него столь сильное впечатление, что если он страстно жаждал обладать определенным качеством, то помещал себя под защиту животного или птицы, его олицетворявшего. Если же племя или клан обладали какими-то особыми характеристиками, например лукавством или свирепостью, его соседи обычно именовали это племя по названию зверя или птицы, символизирующей его характер. Члены племени могли узнать о полученном прозвище от пленных во время войны или нарекали себя таким именем сами. По прошествии нескольких поколений члены племени уже считали животное, качествами которого они, как предполагалось, обладали, своим прямым предком, а всех представителей данного вида – своими кровными родственниками. Такое верование называется тотемизм, а его принятие стало средством закладывания основ широко распространенной системы племенных нравов и обычаев, которая регулировала такие важные жизненные моменты, как брак, и многое другое. Вероятно, все европейские и азиатские народы прошли эту стадию, и ее остатки глубоко укоренились в современной социальной системе.

Тотемные законы и обычаи

Сменялось несколько поколений, прежде чем чувство родовой преданности тотему или эпониму – предку племени

становилось настолько сильным, что превращалось в широко развитую систему поклонения ему как божеству. Подтверждением тому, что тотем со временем становится божеством, служит сходство некоторых древних богов с животными, причем звериными и птичьими чертами наделяли сверхъестественных существ народы, жившие далеко друг от друга. Следует упомянуть о египетских богах с головами ибиса и шакала, ассирийских богах-буйволах, богах-животных Хиндустана и даже о греческой Афине, имевшей, как утверждал Гомер, «глаза совы». Разве не могла эта богиня произойти от тотема-совы? Разве не могло быть так, что сова, сидевшая на ее плече, было позволено остаться в виде своего рода взятки (в самом древнем ее виде) для почитателей птицы, возражавших против ее изображения в виде человеческого существа и желавших, чтобы сохранилось напоминание о ее прежней форме? То, что у предков теперешних британцев существовала тотемная система, не подлежит сомнению. Разве не были представители шотландского клана Чаттан «сыновьями кошки»? Да и в других литературных источниках встречается упоминание о «котоголовых» воинах или о воинах, несущих тотемный герб кота. Божества в обличье свиней и других животных, которым поклонялись британские кельты, также подтверждают эту теорию, как и некоторые сохранившиеся с глубокой древности народные традиции Англии и Шотландии. Геральдические украшения есть не что иное, как семейные символы, дошедшие до нас

из тех далеких дней, когда наши предки изображали их на щитах или шлемах как знак племени и, таким образом, животного-прародителя или покровителя.

Как уже было сказано, на тотемизме основывается обширная и довольно запутанная система племенных законов и обычаев. Животное, имя которого носит племя, нельзя было убивать и есть по причине его кровного родства с кланом. Общий предок обуславливал родство между разными членами племени, мужчинами и женщинами. Поэтому женской части племени не разрешалось выходить замуж за мужчин своего племени, которые, в свою очередь, были вынуждены искать жен на стороне. Это часто вело к частичному принятию в свои ряды другого племени или семейства, обитавшего в непосредственной близости, и его тотема. Это давало возможность при необходимости производить обмен женщинами. Так в племени появлялось два рода, у каждого был собственный тотем, но оба считали себя членами племени. И если мужчина из рода «лис» не мог жениться на женщине своей части племени, он подыскивал себе жену из «медведей», и наоборот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.